

Елена Барткевич

*Небесный
художник*

Повесть

НОВОМОСКОВСК
2014

УДК 82-312.9 Барткевич Е.

ББК 84(2Рос)

Барткевич, Елена

Небесный художник : повесть / Елена Барткевич. -Новомосковск:

б.и.,2014. - с.120

«... Ты напоминаешь мне тех верующих, Лео, которые вроде бы уверены в том, что Бог вседесущ, всё видит и всё знает. И всё-таки они помещают Его где-то вовне, возносят Ему молитвы или просят о помощи. А чаще всего активно заняты Его поисками, словно Бог играет с ними в прятки. Да если человек не способен обнаружить присутствие Бога внутри самого себя – он не найдёт Его больше нигде!»

Елена Барткевич

*Я рисовать хочу, как тополь тонкой кистью
Рисует в небе всё, что скажут листья.*

Георг Эмин

1. СКУЛЬПТОР СНЕЖИНОК

– Май, ты закончил? – Лео положил кисти на подставку мольберта и сладко потянулся. – Не пора ли нам пойти передохнуть?

– Да вроде бы всё, – откликнулся тот, но некоторая неуверенность была в его голосе. – Взгляни, а?

Лео легко поднялся со стула, подошёл к приятелю и встал за его плечом. Поглядел на рисунок, потом – на экран с пейзажем и подписью: «Мастер Эрл Тао. Четвёртая минута заката...» (далее шла дата и точные координаты точки на Земле, из которой можно было в указанное время наблюдать данную картину).

А на ней Солнце – алое, но частично ещё отливающее золотом – невысоко висело над краем земли. Солнечный диск был виден не полностью; сверху его примерно до середины занавешивала облачная пелена. Лучи, пробивающиеся со всех сторон, создавали в этой пелене удивительные по красоте переливы красок – там были сиреневые оттенки и нежно-розовые; глубокие фиолетовые тона сменялись неожиданно палево-жёлтыми. Края же облаков то алели, то сияли бронзой. И всё это – на фоне лазурно-голубого вверху и туманно-жёлтого над горизонтом неба.

Взглянув на рисунок друга, копирующий пейзаж на экране, Лео прищурился:

– Май, вот здесь, – он указал на правый верхний угол листа, – лазурь нужно было бы положить темнее... Нет, оставь, – предостерёг он приятеля, потянувшегося было к кисти, – в этом месте лист уже просох, начнёшь подправлять – только испортишь.

– Вот за это и не люблю акварель, – с досадой отозвался Май, – то ли дело масло...

– Конечно, – насмешливо согласился Лео, – намазал, замазал, подправил... ты ведь в этом смысле предпочитаешь масло?

– Ну и что из того? Да, маслом писать проще, можно исправить неточность. Но разве главное – не конечный результат?

Лео улыбнулся:

– Пошли выйдем в галерею, подышим?

– Нет, ты мне скажи – я не прав? – горячился Май, поднимаясь и вытирая ветошью запачканные руки. Потом он кинул взгляд на мольберт друга и умолк.

– ...Лео, я болван, – констатировал он после полуминутного молчания. – Какая чистота, какая прозрачность красок! – юноша восхищённо вглядывался в акварель, сравнивая её с картиной на экране, – какая точность копирования! Да их просто не отличить!

– Ты в самом деле болван, если так думаешь, – сухо заметил Лео. – Любому из нас до мастерства Эрла Тао... как землянину до Туманности Андромеды. Ты же не слепой, Май, чтобы не видеть разницу!

– Зато я хорошо вижу разницу между своим и твоим мастерством, – горько проговорил его друг. – Эти нежнейшие переходы цвета, этот прозрачный мазок... – он перевёл глаза на собственную акварель и в досаде махнул рукой: – Мой рисунок – жалкая никудышная мазня!

– Прекрати, Май. Идём на балкон.

Прятели вышли на открытую галерею, тянущуюся на высоте третьего этажа вдоль всей южной стороны Художественной Академии – стройный, невысокий худощавый Лео с пристальным магическим взглядом серо-зелёных глаз и с волнистыми русыми волосами, собранными сзади в хвост, и Май – немного выше ростом и шире в плечах, кареглазый шатен. На приятелях были обычные учебные блузы, удлинённые, без воротников, с завёрнутыми по локоть рукавами, из тёмно-синего льна – и такие же брюки.

Лео облокотился о перила и поглядел вниз, на тенистый парк, окружающий здание Академии.

– Вот ты говоришь – то ли дело писать маслом, – заметил он, напоминая начало недавней беседы. – А помнишь, как Учитель Эол Сан рассказывал нам об одном древнем направлении живописи в Японии – сумиё? Это – создание рисунка тушью на тонкой рисовой

бумаге, с помощью мягкой кисти из овечьей шерсти. Представь себе, Май: рисовая бумага настолько тонкая, что никакого предварительного рисунка грифелем или углём – сделать невозможно. Художник берёт кисть, обмакивает её в тушь, которая делается из сажи и клея – и создаёт произведение искусства. Мгновенно! Всего несколько тонких линий, штрихов – и возникает пейзаж. Река и одинокая лодка на ней. Дерево и птица на ветке. Болото с камышами. Рисунок исправить нельзя. Чуть сильнее нажим кисти – и тонкая бумага порвётся. Только спонтанность – рука едва успевает запечатлеть мысль художника, передать возникший в его воображении образ. Бедность изобразительных средств – это даже не акварель с её многоцветием и яркой палитрой. Рисунок – моментальный, как озарение, ни единого лишнего мазка! Не правда ли, нужно быть настоящим мастером, чтобы работать в таком жанре?

А ты говоришь: главное – конечный результат. А когда начало и конец работы сливаются воедино? Когда нет временного промежутка между тем и другим?

– Но ты же видишь – мне даже акварель не даётся, – развёл руками Май. – Нет, я не смог бы работать в таком жанре.

– А надо будет. Вспомни – на пятом курсе мы будем изучать это искусство. Акварель же не даётся тебе потому, что ты порой излишне нервничаешь и спешишь.

– Может быть, – признал тот, – скоро зачёт по кристаллографии, я никак не могу избавиться от мыслей об этом.

– Не можешь сконцентрироваться на нужном? Тебе не мешало бы уделять больше времени медитации... Но почему именно кристаллография? По-моему, с этим предметом у тебя особых проблем как раз нет.

– Наверное, потому, что там не очень-то нужна спонтанность, – горько усмехнулся Май.

Чуть позже друзья спустились в буфет – подкрепиться перед вечерними уроками кристаллографии. Там они встретили ещё троих учащихся из их группы «Гамма», четвёртый курс. Айк, Дан и Кир –

неразлучная троица – сидели за столиком. Безусловный лидер группы – яркий и властный блондин Айк – сильный, атлетически сложенный и самовлюблённый; мягкий, покладистый брюнет Дан, не обладающий слишком высоким интеллектом; и – упрямый, подобно Айку, но немногословный, флегматичный и неторопливый, плотный и мощный рыжеватый Кир. Просто удивительно, до чего эти трое не походили друг на друга, однако некая сила надёжно удерживала их вместе.

Увидев Лео и Мая, Айк помахал им рукой. Они подошли к столику сокурников.

– Где это вы пропадали? – осведомился Айк.

– Неплановое занятие по живописи, – ответил Лео.

– Ого! Ну, я понимаю – Май тренируется, а тебе-то это зачем? Ты, наверное, хочешь получить звание Мастера досрочно, ещё до окончания Академии?

Май сжал зубы, готовый съездить Айку в челюсть, тем более что Дан подобострастно захихикал.

Но Лео спокойно сказал:

– Не волнуйся, Айк. Безусловно, самым первым из нас звание Мастера получишь ты.

Глубоко скрытая издёвка была в его голосе, но тот, к кому он обращался, этого даже не заметил, восприняв слова собеседника как должное. Он усмехнулся, отпив сока. Кир флегматично работал челюстями, и Май почувствовал, как мгновенно вспыхнувший было гнев отпускает его.

Уже вполне миролюбиво Айк спросил:

– Ну что, «Гамма», готовы к зачёту?

– Да-а, знать бы ещё, что он придумает на этот раз... – вздохнул Дан.

Та же мысль который день не оставляла и Мая. Но он предположил:

– Зачёт-то по зимней теме. Значит, сосульки, снежинки или морозные узоры. Я думаю, последнее.

– Нет, узоры вряд ли, – возразил Лео, – тема сложная, по ней бу-

дет отдельный зачёт.

– Снежинки, – сказал Айк. – Эскиз, резьба или шлифовка. А то и всё вместе. Во где они сидят! – он провёл ребром руки по горлу.

– Снежинки ещё и на пятом курсе будут, – обнадёжил его Лео.

Дан снова вздохнул:

– Пойти перелистать учебник? Вдруг поможет?

– Не поможет, – насмешливо отозвался Айк, – перелистывать учебники надо было в течение учебного года... а желательно бы ещё и читать. Ну ладно. Идём, гвардия? Ты допил свой сок? – осведомился он у Кира, тянущего сок через соломинку в фужере.

Кир невозмутимо кивнул и оторвался от соломинки.

– Давайте, живописцы, подкрепляйтесь, – Айк хлопнул Мая по плечу, и неразлучная тройца удалилась из буфета.

Через полтора часа группа «Гамма» воссоединилась у аудитории кристаллографии. Май почувствовал лёгкий холодок в животе – как всегда перед встречей с Рамом Гором, которого Айк метко прозвал «Скульптором снежинок». Полнейшая невозмутимость и абсолютное, непрошибаемое спокойствие были отличительными чертами этого человека, словно впитавшего в свою кровь и плоть квинт-эссенцию холода, суровость зим, равнодушную красоту снега – то, к чему располагал преподаваемый им предмет.

Студенты вошли в аудиторию. Сегодня их группе была назначена сдача зачёта. Каждый курс в Академии был поделен на такие же небольшие группы по пять-шесть человек, дабы каждой из них преподаватель мог уделить максимум внимания.

Несколько минут спустя «Скульптор снежинок» вошёл в аудиторию. Выглядел преподаватель кристаллографии весьма внушительно: высокий, просто огромный, в белоснежном плаще поверх синего хитона. Длинные белые волосы падали ему на плечи и на складки плаща. Лет Раму Гору на вид было около сорока, лицо – властное и непроницаемое, порой напоминающее гипсовую маску пугающей неподвижностью черт. Серо-голубые глаза со стальным отблеском, как всегда, холодно окинули группу из пяти человек.

– Приветствую вас, «Гамма». Готовы к зачёту? – голос Рама Гора был под стать внешности: глубокий, ледяной и властный.

– Приветствуем вас, Рам Гор, – откликнулись студенты, – да, мы подготовились.

– Ну что ж, посмотрим, как вы подготовились.

Он прошёлся по аудитории и раздал всем по большому листу, разлинованному в крупную клетку.

– Задание будет таким. Вам нужно припомнить схемы снежинок, принятых к производству – те, которые мы с вами внимательно изучали довольно долго. Вспомните также и свои собственные чертежи и разработки, если понадобится. Ваша задача – изобразить каждому на своём листе по сто снежинок. Схемы их не должны повторяться, – он помолчал и добавил: – На всё про всё даю вам пятнадцать минут. Начнёте по моему сигналу.

Май мгновенно сосчитал про себя: пятнадцать минут – это значит... шестьсот да ещё триста – девятьсот секунд. Сто снежинок – по девять секунд на каждую. И все они должны быть разными. Айка оказался прав.

– Начали! – резко сказал Рам Гор.

Студенты принялись быстро рисовать схемы. Май начал было считать про себя секунды, но быстро сбился. Он рисовал снежинки шести-, восьми-, десяти- и двенадцатиконечные, в виде цветов и звёзд, в виде паутинных плетений, с украшениями на кончиках и без, простые и сложные, похожие на кружева и вязаные салфетки... Он погрузился с головой в своё занятие и остановился, вздрогнув, лишь услышав твёрдый окрик учителя:

– Закончили!

Май отложил карандаш и перевёл дух. Рам Гор первым подошёл к Кире, взял его лист и быстро просмотрел.

– Bravo, Кир, – сказал он, – с заданием вы справились. Сто снежинок, и среди них нет двух одинаковых. Правда, среди них нет и ни единой вашей. Все схемы взяты из энциклопедии.

Раздался короткий смешок Айка. Кир невозмутимо спросил:

– А разве наличие собственных схем оговаривалось, как необхо-

димое условие задания?

– Нет, Кир, не оговаривалось, – столь же невозмутимо согласился Учитель кристаллографии, – и зачёт я вам поставлю, причём сто-процентный зачёт.

Он подошёл к Дану, который краснел и отводил глаза. Проглядел лист с его зачётной работой.

– Плохо, Дан. Только восемьдесят схем – а где же ещё двадцать?

– Я не успел, – тихо отозвался тот.

– Надо было успеть! А чтобы успевать – нужно учить схемы и запоминать их! – отрезал Рам Гор. – В общем, зачёт вы не сдали. Жду вас на пересдачу через три дня, и если вы опять не справитесь – я не допущу вас до экзаменов. Вам всё ясно?

– Да, Учитель.

– Хорошо. Но предупреждаю сразу – через три дня условия зачёта будут жёстче.

Он перешёл к следующему студенту. И вот в его руках лист со схемами Мая. Проглядев их, он заметил: – В целом неплохо. В срок вы уложились, и из ста эскизов порядка двадцати – ваши собственные. Но вы ошиблись, дважды изобразив одинаковые схемы: здесь, здесь, а также здесь и вот здесь, – он указал на них Маю. – Зачёт я вам поставлю, но, принимая во внимание две идентичные пары снежинок – зачёт будет не сто-, а девяностошестьпроцентный. Вы согласны с такой оценкой? Если не согласны или хотите попробовать получить стопроцентный зачёт – можете придти через три дня на пересдачу вместе с Даном.

– Нет, – сбивчиво ответил Май. – Девяносто шесть процентов – это справедливо.

Рам Гор кивнул и взял две последние работы. Листы Айка и Лео он изучал одновременно.

– Ну что ж, – констатировал он факт, и впервые удовлетворение прозвучало в его голосе, – Аик и Лео поработали хорошо. Энциклопедических схем у каждого примерно пятьдесят процентов, и столько же – своих собственных. Я не берусь сейчас судить о сложности, законченности и красоте этих схем – не в том суть задания, –

но зачёт, безусловно, получают оба, зачёт стопроцентный.

«Однако, – подумал Май, – насколько велика разница между ста процентами Кира и теми же ста процентами Лео и Айка!»

– Последние две работы – самые лучшие, и они примерно равноценны, – закончил Рам Гор, и Айка, считавший Лео своим соперником, недовольно сжал губы. – Можете пока передохнуть, – он коротко кивнул и покинул аудиторию.

Студенты наконец-то расслабились, что довольно проблематично было сделать в присутствии Учителя кристаллографии.

– Хотите анекдот? – предложил Айка. – Разговаривают двое. Первый спрашивает: «Ты знаешь, почему снег под ногами хрустит?» – «Ага, потому что у снежинок хребты ломаются».

Все рассмеялись, а Дан грустно улыбнулся:

– Как хорошо я понимаю того, кто придумал этот анекдот...

Айка подсел к огорчённому приятелю. Ему нравилось выказывать своё покровительство тому, кто не был и не мог быть его соперником.

– Не переживай, Дан, – с видимой озабоченностью посоветовал он, – одолеем мы с тобой эти снежинки. Я тебе помогу.

– Чем ты сможешь, Айка? Пересадишь мне свою голову? – вздохнул тот.

Айка самодовольно хмыкнул:

– Ну нет, голова у меня одна такая. Но я могу подсказать тебе, как легче запомнить такое количество схем. Это несложно. Разбиваешь все виды снежинок по десяти группам – и рисуешь схемы каждой по мере нарастания сложности. Я покажу.

– Да, но он обещал ужесточить условия зачёта...

– Ну и что с того? Он сократит общее время выполнения задания или увеличит количество схем. Если ты поймёшь принцип – такое ужесточение условий не будет для тебя страшным.

– Спасибо, Айка, – с признательностью сказал ему Дан.

А Май подумал, что если бы Айка и впрямь хотел помочь приятелю – то этот принцип деления снежинок на группы ему следовало бы объяснить Дану перед зачётом, а не после. Но – нет, Айка, как

обычно, дождался, пока его признают победителем, а Дана – побеждённым. Теперь он вполне мог проявить заботу о товарище.

Но их ждало ещё одно занятие по кристаллографии. На первом они по заданному чертежу лазерными резцами выпиливали из куска белого полупрозрачного кристалла модель снежинки сложной формы, тщательно соблюдая все размеры и углы между лучами. На втором занятии все грани модели тщательно шлифовались, а вслед за этим Рам Гор с угломером и штангенциркулем тщательно вымерял точность выполнения задания. Четыре модели были приняты, а Кира, закосившего одну грань на два градуса, он оставил выправлять дефект.

Когда четверо приятелей покинули аудиторию кристаллографии и вышли в вестибюль, Лео спросил у Айка:

– Вы идёте на медитацию?

– Э-ээ, нет, – отозвался тот. – Мы сейчас ужинать, а потом – готовиться к зачёту, верно, Дан?

Тот закивал.

– Ты уж объясни Мастеру Шао Чхо, ладно? Я надеюсь, он на нас не обидится.

– Мастер Шао Чхо не умеет обижаться, – спокойно ответил Лео.

– Святой человек, – с притворным смирением вздохнул Айка.

...Мастер Шао Чхо действительно не обиделся на Айка и Дана. Он понимающе улыбнулся, когда Лео сказал ему, что Айка остался помогать Дану готовиться к передаче зачёта по кристаллографии. Шао Чхо, как и Лео, прекрасно понимал, что лидер группы «Гамма» решил убить одним выстрелом двух зайцев: подрасти ещё в глазах приятеля, оказав ему помощь – и под этим благовидным предложением пропустить занятие по медитации, наводившей на него смертную тоску. Правда, к чести Айка надо сказать, что занятия медитацией не входили в разряд обязательных, а шли как факультатив.

Май и Лео сделали серию дыхательных упражнений и, взяв коврики, уселись в круге среди других студентов Академии, пожелавших принять участие в вечернем занятии у Мастера Шао Чхо.

Зал для медитации был погружён в полумрак; по углам его кури-

лись благовония с тонким загадочным ароматом, звучала тихая музыка флейты и изредка серебристо позванивали колокольчики.

В центре круга на невысокой подставке стояла хрустальная пирамида; горящая неподалёку свеча бросала на неё огненные отблески, дробящиеся в треугольных гранях.

Май принял «Алмазную позу» на коленях и выбрал себе один блик в пирамиде, постаравшись сконцентрировать на нём всё своё внимание. Но мысли его разбегались, вновь и вновь возвращаясь к сданному уже зачёту по кристаллографии. Он пытался разобраться в своих чувствах, понять – что он на самом деле испытывает. Это было и облегчение от того, что зачёт сдан, и досада на себя, что не заметил, как изобразил две пары одинаковых схем... Может быть, воспользоваться предложением «Скульптора снежинок» и передать зачёт вместе с Даном? Но нечто в нём яростно протестовало, логично задавая вопрос: а где гарантия, что ты передашь лучше, а не хуже? И чем было это «нечто» в нём? Может быть, элементарным страхом, тем самым, что заставлял его живот сжиматься и холодеть перед встречей с Рамом Гором?

«Может быть, я просто трус? Трус и лодырь? И мне проще примириться с неплохим результатом в девяносто шесть процентов, чем попытаться получить все сто?»

И вновь его заедали сомнения. А зачем ему, собственно говоря, нужен стопроцентный зачёт по кристаллографии? Не говорит ли в нём элементарная зависть к Айку и Лео? Да ведь и Дан может через три дня получить сто процентов, Аик уж постарается его вытянуть – и тогда неплохой сейчас результат Мая будет самым низким в группе «Гамма»...

– Май, – вдруг услышал он тихий шёпот Шао Чхо и вздрогнул: тот, как всегда, приблизился абсолютно беззвучно, – тебя снова одолевают мысли?

Май обернулся и взглянул в красивые, маслянисто-чёрные индийские глаза Мастера. Лёгкие белоснежные одежды контрастировали с его смоляными волосами и смуглой кожей.

– Да, Мастер, – виновато признал юноша. – Я никак не могу скон-

центрироваться.

Шао Чхо плавно поднял ладони и провёл ими вокруг головы и над плечами Май. Тот ощутил тёплую волну, искупавшую его.

– Весь воздух вибрирует от пульсации твоих мыслей. Отпусти их. Дай себе передышку.

– Я хочу... Но у меня не получается.

– Закрой глаза и расслабься. Дыши глубоко и спокойно. Нет, ты не расслаблен... Сядь так, как тебе удобно, – у тебя уже затекли колени.

Юноша послушно поменял позу; сел, по-турецки скрестив ноги.

– Подтяни затылок и расслабь поясницу... – Мастер помог ему ладонями. – А теперь соберись на дыхании, думай только о дыхании, следи за тем, как вдох сменяется выдохом и выдох вновь поворачивает ко вдоху... Проникнись этой непрерывностью, смотри изнутри, как вдох и выдох прокатываются по твоему телу, и ни о чём другом не думай. Расслабь пространство мыслей, позволь себе быть свободным от них...

Подчиняясь гипнотическому голосу Мастера, Май постарался расслабить тело и разум, взгляделся внутренним взором в волны дыхания, вверх-вниз пробегающие внутри него. Вскоре вдох и выдох его углубились, стали размереннее; медленнее застучало сердце, и одолевавшие его мысли стихли в этом ритме. Сквозь полудрёму транса Май услышал, как в зал для медитации входит кто-то ещё, вполголоса здороваются и извиняется перед Шао Чхо за опоздание. Он узнал Кира. Получив от Мастера приглашающий жест, Кир шумно задышал, старательно выполняя серию упражнений на дыхание; вслед за этим присоединился к другим ученикам в круге перед хрустальной пирамидой.

Приоткрыв глаза, Май увидел неподвижно застывшую в «лотосе» фигуру Кира. Недостаточная гибкость суставов не позволяла тому принять асану идеально правильно, силуэт его выглядел напряжённым донельзя; ясно было, что Кир не высидит в этой позе и нескольких минут. Где тут расслабишься, если будет отвлекать ноющая боль в суставах и связках? Но Кир был упрям и настойчив. Не

обладая в полной мере творческим даром Айка, он хотел победить его упорством. Да, все они вольно или невольно, но состязались с Айком...

2. ПОЭЗИЯ РАССВЕТА

– ... Да сколько можно заниматься копированием старых Мастеров? – возмущался Айк в перерыве после первого урока живописи. – Когда мы, наконец, закончим изучать творчество Эрла Тао? В печёнках у меня сидят его картины! И акварель, и масло! «Пятая минута заката, двадцать пятая минута заката!..» – передразнил он, – а помните этот эпический сериал про июньский восход – сорок пошаговых композиций, минута за минутой? Сорок полотен, я до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю!

Май увидел, как потемнели глаза Лео, но голос того прозвучал даже спокойнее обычного:

– А ты не ошибся с выбором рода занятий, Айк? Ведь ради того, чтобы научиться создавать подобные пошаговые шедевры, мы и шли в Академию.

– А тебе нравится копировать чужие картины, Лео? – спросил Дан.

– Это нормальный этап обучения. Кроме того, он помогает вплотную соприкоснуться с мастерством истинного Художника.

– Перерисовывать чужие полотна можно до бесконечности, – заявил Айк, – чем мы и занимаемся уже четыре курса. Я хочу создавать собственные шедевры! Свои восходы, свои закаты! Свои, Лео, а не чужие!

– «Собственные шедевры», – смакуя каждое слово, с негромкой насмешкой повторил его соперник. – От скромности ты явно не умрёшь.

– Да уж, я умру не от скромности, – холодно согласился Айк. – Вечно оставаться в тени старых Мастеров меня не устраивает! Можно дойти до совершенства в искусстве копирования уже созданного полотна – так же, как можно достичь совершенства в игре на фортепиано. Но и самое совершенное исполнение чужой пьесы

не делает исполнителя композитором!

– Здесь я не могу с тобой спорить, – согласился Лео, – ты прав. Ну, так дождись урока композиции – они что у нас, не бывают? А картины старых, знаменитых Мастеров просто показывают тебе идеал, к которому нужно стремиться.

– Я не хочу стремиться к чужим идеалам! – отрезал Айк. – Я хочу показать людям свои собственные!

Май почувствовал, как в нём снова поднимается волна жгучего раздражения на этого, безусловно, талантливого, но до невозможности тщеславного и себялюбивого студента. В чём-то Айк, конечно же, был прав – но тон, которым он говорил, безжалостно комкал впечатление, и с ним невольно хотелось спорить, спорить до хрипоты. Но словом убить соперника Май не умел, потому в таких ситуациях у него первым делом начинали покалывать кулаки.

Лео невозмутимо пожал плечами:

– В чём же дело? Обратись к Учителям, к Директору Лун Талу. Может быть, они с радостью согласятся, чтобы ты посещал только уроки композиции. А копировать будем мы, бездарности.

Кулаки Мая разжались и перестали покалывать. Дан растерянно взглянул на побелевшего от злости Айка. Молчавший Кир взглянул на часы:

– А перерыв-то закончился.

И Айк, порывисто повернувшись, первым вошёл в аудиторию живописи. Вслед за ним потянулись другие студенты группы «Гамма».

Но разговор в перерыве, видимо, взвинтил Айка, и когда Учитель Эол Сан зашёл в аудиторию, тот спросил:

– Учитель, можно задать вам один вопрос?

– Конечно, можно, – улыбнулся тот.

Эол Сан походил на греческого бога Зевса: высокий, широкоплечий, с вьющимися чёрными кудрями, окладистой бородой и усами, красиво обрамляющими его улыбчивый белозубый рот. Искорка смеха всегда таилась в глубине его тёмных глаз.

– Я хотел спросить: научимся ли мы, копируя картины старых Мастеров, и сами творить что-то подобное, а может быть, и луч-

шее? И если не научимся – то какой тогда смысл в таких уроках?

– Безусловно, я отвечу «нет» на первый твой вопрос, Айк. Научиться творить вообще невозможно. Для этого человек сам должен обладать творческим потенциалом, и немалым, и у него должны быть раскрыты определённые чакры. Ну и, конечно, художник должен иметь, что сказать. Без соблюдения этих условий он ничего не сотворит. Не будь у вас таких качеств – вы не оказались бы в Художественной академии.

А изучение приёмов живописи, копирование картин – всё это даёт только технику, не более. Но без техники, без познания законов живописи вы не сможете создать картину даже на полотне, не то что на более тонких носителях... Почему ты задал мне этот вопрос, Айк? Считаешь, тебе уже незачем совершенствовать технику?

– Да нет... – выдавил тот.

– Ну вот и славно. Однако мы отвлеклись от темы сегодняшнего занятия. А будет она не столько живописная, сколько поэтическая – точнее, в ней присутствуют оба этих элемента. Итак, задание следующее. Я раздам вам репродукции с пейзажами наших Небесных Мастеров, и ваша задача – написать к ним стихи, – так, чтобы в стихотворении вставал зримый образ пейзажа. Иными словами – стихи должны быть такими, чтобы их было не только слышно, но и **видно**. Это – тоже живопись. Только живопись словом. Ибо, как вам известно, Слово было вначале...

Картины будут разными, но тема их общая – Рассвет. И, как не похожи друг на друга рассветы – столь же разными, я надеюсь, будут и ваши стихи. Торопить я вас не стану, но до конца урока вы должны закончить свои вирши...

Эол Сан достал большую папку-портфолио, вынул из неё листы с картинами и раздал их студентам. Те углубились в изучение репродукций, а Учитель снова сел за стол, перелистывая какой-то журнал.

...Май долго вглядывался в картину пламенного рассвета, лежащую перед ним. В ней было что-то страстное и тревожащее одновременно. Из цветов и оттенков преобладал красный – как огонь и как кровь. Наконец он представил себя стоящим посреди земного

города, над которым раскаляется огненное зарево. Алые сполохи озаряли пространство и асфальт под ногами; он уже не был серым, а сам словно приобрёл природу огня.

Видение постепенно проступало перед внутренним взором юноши, обретая всё бóльшую и бóльшую чёткость. Грозная картина впечатляла; у Мая даже захватило дух от её достоверности; и тогда у него в голове сами собой стали складываться строки...

Наконец он вынырнул в реальность и, подняв глаза, столкнулся с вопросительным взглядом Эол Сана.

– Я закончил, Учитель, – ответил он на его немой вопрос.

– Хорошо, Май, – одобрил тот, – читай.

– Первым? – лёгкий холодок знакомо шевельнулся в его животе.

– Ну, а какая разница? – улыбнулся Эол Сан. – Кто-то же должен начать.

– Я... Ладно, я начну... – пробормотал Май.

Сумеет ли он заставить Учителя и других студентов увидеть то, что явилось его глазам под воздействием картины Небесного Художника?

Тихо, но твёрдо Май произнёс:

– «Огненный рассвет»... – откашлявшись, он изгнал остатки робости и прочёл:

Сентябрьской ночи вышли сроки.

Клубится от дыханья пар.

Я замечаю: на востоке

Рассвет сегодня, как пожар.

Ползёт, крадётся через крыши.

Боюсь быть с ним наедине!

Но он уже мне в спину дышит,

Он приближается ко мне.

И тьмы полки, как от расплаты,

Бегут от яростной зари.

Зловещим заревом объаты

Деревья, окна, фонари.

*В победном строе развернулись
Полотна огненных знамён.
То первые лучи проснулись,
Пересекая небосклон.*

*И солнца шар невероятный
Возник. Он пламенный такой,
Как будто факел необъятный,
Гигантской поднятый рукой...*

Май умолк. Все тоже молчали. Наконец Эол Сан сказал:

– Молодец, Май. Очень зримая картина, и те чувства, которые в неё вкладывал художник – ты, безусловно, сумел ощутить и передать нам, твоим зрителям и слушателям. Ещё раз – молодец.

– Спасибо, Учитель.

– Кто будет читать следующим?

– Могу я, – вызвался Лео, – но у моей картины совсем другое настроение...

– Оно и должно быть другим. Читай.

– Я бы назвал это полотно «Прореха в облаках».

*Вижу дырку в одеяле,
Скрывшем небо под собой.
Сквозь неё сочится сверху
Розовый и голубой.*

*Приоткрылась в спальне солнца
Дырка-щёлочка, и рад
Заглянуть в неё нахально
Мой бесстыдно-дерзкий взгляд.*

Я, глаза подняв к востоку,

*Вижу: солнце в вышине
Алым нежится котёнком
На лазурной простыне.*

*Пробудилось и зевнуло.
Поглядело из-за туч,
Потянулось – и послало
Кверху самый первый луч.*

*Разметался по подушкам
Розовый и синий пух.
Это было так красиво,
Что захватывало дух.*

*Но озябнувшее солнце
Ветер кличет свысока.
Прилетев – он дует, дует,
Нагоняя облака.*

*Вмиг заштопана прореха –
Не заметить шва, и вот
Снова серым одеялом
Затянуло небосвод.*

*Как теплом манит перина!
Солнце съёжилось на ней.
Натянуло одеяло –
И накрылось до бровей, –*

улыбнувшись, закончил Лео.

Студенты зааплодировали, а Эол Сан, рассмеявшись, покачал головой:

– Bravo, Лео. Ты словно бы видел этот рассвет. Всё именно так и было.

Опустив ресницы, юноша снова улыбнулся и признался:

– Но я действительно видел этот рассвет. Мне очень нравится творчество Эрла Тао.

Учитель одобрительно кивнул:

– У тебя тонкий вкус. Однако, кто будет читать следующим? Давай ты, Дан.

Тот смутился:

– Боюсь, у меня не очень-то получилось. Творчество словом мне не больно даётся.

– Но ведь, в сущности, ты не создаёшь новую картину, а только с максимальной достоверностью обрисовываешь своими словами уже написанную.

– Всё равно, я уверен, что у меня не получилось столь же зримых образов, как у Лео и Мая. Кроме того, у поэзии – свои законы. Рифмы, ритм... К сожалению, я плохо владею этим языком.

– Позволь об этом судить мне, Дан, – терпеливо заметил Эол Сан.
– Читай же, не тяни время.

– Я... не придумал названия к этой картине, – покраснел Дан, – только само стихотворение...

Рассвет

во встречных окнах

разжигает свечи

И мажет стены

розоватой пастиллой.

Кармином зарева

сирени куст расцвечен,

И липа каждая

становится сосной.

Вот только жаль,

что взор картиною отрадной

недолго тешился,

недолго краски пил.

Проходит полчаса –

и город мармеладный

таким же будничным становится, как был...

Под конец стихотворения голос Дана совсем увял.

Эол Сан вновь улыбнулся:

– Никто ничего не скажет?

– Дан, – обратился к нему Лео, – ты и правда не знаешь, как называется эта картина?

– Нет, откуда? Здесь же нет названия...

– Она называется «Десятая минута сказочного рассвета. Мармеладный город».

– Верно, Лео, – подтвердил Эол Сан. – Так что, Дан, напрасно ты скромничаешь. Настроение, с которым художник писал эту картину, ты почувствовал и передал абсолютно верно. Айк, теперь ты.

Тот, разобиженный тем, что другие студенты, а не он, собрали столько одобрительных слов Учителя, сидел молчаливый, как Кир. Услышав предложение Эол Сана читать, он сухо сказал:

– Я тоже не стал придумывать названия для стихотворения, раз это не обязательно. А рассвет на моей картине я увидел так...

И Айк прочёл твёрдым голосом:

*Сумрака полог
в сторону сдвинув,
на небосвод
С факелом алым
в крепкой руке
вышел восход.
К небу взывая
в бессильной попытке
судьбу превозмочь –
За горизонтом
врагинею поверженной
скорчилась ночь.
А победитель
(в венце его –
огненный страз) –
Гордо стоял*

*над равниной
калифом на час.
Глянул недобро,
сузил зрачков
зрительный луч –
И, словно вор,
убегая, поджёг
простыни туч.*

Повисла тишина. Все были слегка шокированы яростной резкостью стиха.

– Восход – убийца ночи? – наконец усмехнулся Эол Сан. – Ну что ж, а почему бы и нет? Во всяком случае, ты оригинально мыслишь, Айк.

И стало заметно, как на застывшем лице Айка в глазах зажигается торжество.

– Ну, Кир, ты остался последним, – обратился к нему Учитель.

Помолчав, Кир неохотно сказал:

– Я не написал стихотворение.

Все взоры обратились к нему. Эол Сан нахмурился:

– Как, Кир? Совсем никакого?

– Совсем.

Опять наступила тишина.

– Но от тебя ведь не требуется писать непременно большое стихотворение. Какая у тебя картина? Зимний рассвет?

– Да, – односложно ответил Кир.

– Всего несколько строк. Хотя бы четверостишие, – настаивал Эол Сан. – Попробуй. Давай я дам тебе ещё немного времени.

– Я не смогу, Учитель.

– Так. – Эол Сан оглядел остальных студентов. – Кто попробует написать экспромт по репродукции, предложенной Киру? Только мгновенно. Май, давай ты.

Тот растерялся, взглянув на Кира:

– Но, Учитель...

– Май, я дал тебе задание.

Юноша забрал у приятеля репродукцию, помедлил немного, разглядывая её, и прочёл:

*Свет звёзд холодный день пророчит,
И распускается, как цвет,
На чёрном фоне зимней ночи
Декабрьский розовый рассвет.*

Кир молча поднялся и вышел из аудитории.

Этим же вечером от него легло заявление в Учебный Совет Академии, в котором Кир просил отчислить его из числа студентов.

3. ТВОРЧЕСКИЙ ДАР

Май насилу отыскал Кира – в парке, возле студенческого общежития. Весь день с ним пытались поговорить и Айк, и Лео с Даном, но тот неизменно уклонялся от разговоров и уходил. Поначалу Кир и с Маем ничего не хотел обсуждать. Мол – отстань, я уже всё решил; но тот не унимался и спросил прямо:

– Ты из-за меня уходишь? Из-за того, что я написал экспромт по твоей репродукции?

– При чём тут твой экспромт? – угрюмо возразил Кир.

– Ну, а из-за чего тогда? – допытывался его сокурсник. – Ты же подал своё заявление об отчислении сразу после этого! Я не хотел писать стихотворение, но то была идея Эол Сана, ты же помнишь!

– Да не в твоём стихотворении дело... – поморщился Кир досадливо. – И оставьте вы меня все в покое!

– Как это «в покое» и как это – не во мне дело? – возмутился Май. – Ты отучился в Академии четыре года, а потом все будут говорить, что ты ушёл из-за меня!

– Ах, вон что тебя больше всего заботит, – недобро усмехнулся Кир.

– Не только это! – вспыхнул Май. – И ты никогда не говорил, что собираешься уйти из Академии!

– Не говорил, а теперь хочу. Я что – не имею права изменить свои планы? Или обязан в каждом решении перед кем-то отчитываться?

Столько холодной решительности было в его голосе, что Май даже растерялся. Он привык ко всегдашнему молчаливому равнодушию Кира, к тому, что тот постоянно находится как бы в тени яркого, языкастого Айка. Ни на словах, ни своим поведением Кир никогда не претендовал на лидерство – но кто бы мог подумать, что и у него могут быть какие-то амбиции?

Кир молча повернулся и ушёл в общежитие, оставив Мая одного.

А в кабинете Директора Лун Тала в это время проходил Учебный Совет, собранный для обсуждения заявления Кира. Здесь были Рам Гор, Учитель кристаллографии, Шао Чхо, Мастер медитации, Бао Шун, Учитель биологии, и Эол Сан.

– Итак, что вы все думаете по поводу желания Кира покинуть Академию? – задал им вопрос Лун Тал.

– Что касается меня, то я совсем не удивлён этим решением, – заявил Рам Гор, «Скульптор снежинок», – когда в учебном процессе от студентов требовались такие качества, как внимание, настойчивость, упорство и отличная память – тут Кир мог дать фору кому угодно. Он, конечно, старательный юноша и настойчивый, но что касается его творческого мышления... – он развёл руками.

– Вы что, хотите сказать, что Кир не способен творчески мыслить? – нахмурился Директор Академии.

– Ну почему же? Способен. Однако судите сами. Недавно у нас был зачёт по кристаллографии. Студентам было дано задание – за пятнадцать минут нарисовать сто схем снежинок. И Кир был единственным из всей группы «Гамма», кто не изобразил ни единой собственной схемы. Все они были взяты из энциклопедии. Зачёт я ему, конечно, поставил, и стопроцентный, – но разве не говорит даже такой случай о многом?

– Позвольте, разве не все студенты у вас работают над созданием новых схем снежинок? – спросил Лун Тал. – Значат ли ваши слова, что у Кира вообще нет собственных разработок?

– Да нет, отчего же? Есть, – невозмутимо возразил Рам Гор. – Однако сейчас я кое-что покажу вам для сравнения...

Он подошёл к одному из шкафов и взял с полки толстую папку.

Порывшись в ней, извлёк оттуда несколько листов и передал их присутствующим:

– Сравните, – предложил он, – схемы снежинок, разработанные Киром – и схемы, разработанные его сокурсниками – Маем и Лео.

Учителя разобрали листы со схемами и принялись их разглядывать. Да, даже невооружённым и неискущённым в кристаллографии взглядом легко было заметить разницу. Снежинки, нарисованные сокурсниками Лео, радовали взор богатством фантазии и изяществом исполнения. Они выглядели лёгкими, выдуманными словно играючи. Схемы же снежинок, придуманные Киром, были словно сработаны топором. В них ясно виделась тяжёлая умственная работа, как будто любая затейливая завитушка, любой нестандартный рисунок центрального узора требовали от автора долгого, скрежещущего напряжения ума.

Учителя молча вернули листы «Скульптору снежинок». Комментарии были, что говорится, излишни. – То, что мы сейчас увидели – в сущности, ни для кого из нас не новость, – заметил Эол Сан. – Да, стихи Кира столь же деревянно звучат, как и смотрятся эти его снежинки. Сегодня он вообще не смог написать стихотворения, когда даже Дан, который тоже звёзд с неба не хватает, написал совершенно прелестные строчки. Да, большой оригинальностью творческое мышление Кира никогда не отличалось. Но всё-таки четыре года он отучился. Хоть и невеликие успехи, но они у него были. Кто знает – может, у него всё ещё впереди? Я не считаю, что мы вправе лишать Кира будущего.

– Какого будущего, о чём вы? – досадливо отмахнулся Рам Гор. – Да, Кир хороший исполнитель, ответственный и старательный, но ведь мы в нашей академии воспитываем творцов, а не исполнителей! Последних нам и без того хватает! Нам нужны художники! Те, что способны придумать миллионы морозных узоров для окон! Разработать немереное количество схем для снежинок! Сочинить картины из солнца и облаков – разные, непохожие друг на друга, совершенные в своей красоте, пусть и недолговечные! Чтобы не было на Земле двух одинаковых рассветов, двух одинаковых за-

катов, двух похожих деревьев чтобы не было! Вы же помните завет основателя Академии: двух одинаковых вещей не должно быть в мире! Нам нужно разностороннее, оригинальное мышление, а не стандартное, как у Кира! Я ли четыре года не толковал вам об этом? Нет у Кира никаких творческих перспектив, уж поверьте моему опыту! И хорошо, что он сам наконец-то это понял, нашёл мужество признать – что, конечно же, делает ему честь.

Тут вмешался Бао Шун:

– Вы правы, коллега. Я тоже замечал: если студентам даётся задание точно повторить какой-то чертёж, или эскиз – то здесь Кир заткнёт за пояс кого хочешь. В особенности если это чертёж или рисунок карандашом. У него явно техническое, инженерное мышление.

– Да, – вздохнул Директор Академии, – а ещё его имя... Когда этого юношу забрали с астрального плана и определили к нам – я ведь тогда говорил – напрасно его нарекли Киром. Первая «К» – определяющая судьбу и способности буква. А «К» – это, в первую очередь, константа, что значит – постоянность, верность традициям.

– В чём-то Кир совершенен, – подтвердил Рам Гор, – а что касается рисунка карандашом – да, этот парень способен нарисовать идеально ровный круг без циркуля. Тем не менее, чтобы творить, и творить вдохновенно – необходимо раскрытие, хотя бы периодическое, более высоких чакр.

Все Учителя невольно посмотрели на Шао Чхо, до сих пор не проронившего ни слова.

– Да, – сказал он мягко, – возможен медитативный подъём на несколько планов. И Кир очень старается... К сожалению, его упорство здесь ему скорее мешает – потому что он напрягается, пытаясь достичь результата, вместо того чтобы расслабляться. Но когда-нибудь количество должно перейти в качество. Вы правы, Эол Сан – мы не вправе отнимать у Кира этот шанс.

– Но ведь он сам решил готовиться к следующему Воплощению! – возразил Рам Гор.

– Он слишком юн, горяч и неопытен, – так же мягко заметил Шао Чхо, – нам надлежит проявить мудрость и терпение. Кир не рас-

крыл ещё всего своего потенциала. А воплотиться... воплотиться он всегда успеет. Чем большему он научится здесь – тем больше пользы принесёт на Земле...

Таким образом, просьба Кира об отчислении из Академии не была удовлетворена. Он пытался протестовать, однако Лун Тал настоял на своём.

– Временные неудачи ещё ни о чём не говорят, Кир, – заявил он. – Жалко, если ты после первых же трудностей опустишь руки. Потенциал к творчеству у тебя есть, ты ещё не успел его использовать. Но твоё время придёт.

Мрачный и недовольный, Кир вернулся в общежитие. Май был страшно рад его возвращению: в чём бы там ни уверял его приятель, он продолжал только себя считать виноватым во всей этой истории. Сколько раз он уже пожалел о написании своего экспромта! Однако, зная угрюмую натуру сокурсника, не стал его ободрять.

А на следующее утро, перед занятиями, Айка вызвал к себе Лун Тал. Поздоровавшись, Директор Академии сухо сказал:

– У меня к вам серьёзный разговор, Айк.

– Слушаю вас.

– Нет, это я хотел бы вас выслушать! – внушительно заявил Лун Тал. – Поначалу я должен признать, справедливости ради, что большинство Учителей очень хорошо отзываются о ваших успехах в учёбе и творческих способностях. Но я вызвал вас не для похвалы, Айк, а для порицания. До меня дошли самые возмутительные слухи – что вы-де позволяете себе дерзкие и оскорбительные высказывания в адрес одного из самых знаменитых наших художников – Эрла Тао. Что вам, якобы, надоело копировать его картины – и вообще, вы хотите заниматься чисто творчеством. Это правда?

Тот вспыхнул:

– И кто же вам донёс на меня? Лео или Учитель Эол Сан?

– Кто донёс? – возмутился Лун Тал. – Как это только пришло вам в голову, Айк? Никто на вас не доносил! Нужно быть поосторожнее в высказываниях! Вы сами во всех углах Академии кричите о своём

нежелании копировать полотна старых Мастеров, что творчество Эрла Тао у вас и вовсе в печёнках сидит. Я сам это слышал, Айк – не далее, чем позавчера. Так что не ищите доносчиков и виноватых: по-настоящему виновны только вы один.

Айк сконфуженно молчал, опустив глаза. Наконец проговорил скованно:

– Да, вы правы, Учитель. Простите...

Но тот не унимался. Видимо, самоуверенность студента вконец допекла его:

– Вас чем-то не устраивает учебная программа? Или вы считаете, что, дойдя до четвёртого курса, стали специалистом превыше всех Небесных Мастеров? Предупреждаю, Айк – ваши амбиции могут очень сильно помешать вам в будущем. Есть такие аспекты в работе Небесного Художника, о которых вы сейчас даже не подозреваете, но когда вы с ними столкнётесь – то будете глубоко несчастны, если не измените характер и не сбавите своё самомнение.

– Я понял, Учитель Лун Тал.

– Очень надеюсь, – Директор поглядел на него в упор. Тот стоял растерянный и красный, как первоклассник, распекаемый за двойку. – И не стоит на меня обижаться. Я говорю это для вашей же пользы. И ещё об одном мне хотелось у вас спросить: почему вы так часто игнорируете уроки Мастера Шао Чхо?

– Но ведь... – начал Айк и замялся.

– Но ведь это не входит в обязательный курс, вы хотели сказать? Да, мы не навязываем уроки медитации насильно. Однако мы рассчитываем на сознательность студентов, как вы этого не понимаете? Мы же не земных художников готовим, а Небесных! Картины вам придётся создавать не красками и кистями – игрой светотени облаков и солнца! Каплями влаги на морозных стёклах! Средства и методы художников Земли вы изучаете только временно, на двух последних курсах они вам уже не понадобятся.

У вас скоро будет пробное занятие в высших слоях Астрала. Вам придётся создавать картины при помощи мысли – а для этого нужно уметь в совершенстве управлять ею! Вы хорошо владеете ис-

кусством управления мыслеформами, юноша? Или вы думаете, что умение это свалится на вас само собой?..

После этого Айк вернулся на занятия. Подробностей его разговора с директором так никто и не узнал, однако с этого дня было замечено, что лидер студенческой группы «Гамма» больше не позволял себе пренебрежительных и вызывающих высказываний по поводу творчества изучаемых художников и аккуратно посещал с той поры занятия по медитации.

Состоялся повторный зачёт у Рама Гора. Дан, натасканный Айком, успешно сдал его – правда, с результатом в девяносто пять процентов – но «Скульптор снежинок» выразил своё одобрение, так как общее время выполнения задания он сократил.

Май испытал облегчение, узнав о результате Дана. И уже в следующую секунду устыдился своего чувства...

4. ЛУННАЯ ФЕЯ

– Привет, Ия! – воскликнул Май, заведя впереди знакомый силуэт.

Хрупкая светловолосая девушка обернулась и радостно заулыбалась. – Привет, Май, – и протянула к нему руки.

Он приблизился и нежно пожал её тонкие пальчики, заглядевшись в огромные серые, как пасмурное небо, глаза.

– Что-то тебя давно не было видно, – с вопросительной интонацией заметил он.

– Мы только недавно вернулись. Наша группа была на экскурсии.

– Где же? – заинтересовался юноша.

– На Материальном Плане. Мы сейчас изучаем творчество Селены Фай. Она недавно создала цикл картин «От новолуния до полнолуния», и наша группа наблюдала их четырнадцать дней. Делали эскизы с натуры, писали стихи... А утром возвращались в Академию и весь день отсыпались! – весело рассмеялась она.

– Да, мы на третьем курсе тоже путешествовали на Материальный План, – припомнил Май. – Но, конечно, днём, а не ночью. Мы

наблюдали Солнце. Луна – ваша стихия.

Ия смешно сморщила нос.

– Конечно, ведь у Луны – женская энергетика. Разве мужчина-художник создаст достоверную картину Полнолуния?

– Да где уж нам, – насмешливо согласился Май. – А тебе как там – понравилось?

– О, ещё бы! Одно дело – видеть подобные картины в эскизах или на экране, созданные красками – и совсем другое – увидеть их же, реализованные на Плана Материи! Это такая красота, что дух захватывает.

– А стихи об этом тебе удались?

Ия вздохнула и как-то погрузилась.

– Я, конечно, старалась, но боюсь, что нужных слов всё-таки не нашла. У Селены Фай прозвище – «Лунная Фея»... я думаю, очень точное прозвище. Её картины просто фантастичны, она так удивительно точно чувствует ночь... чего о моих стихах, увы, не скажешь.

– Прочти мне, пожалуйста, хотя бы одно, – попросил Май.

– Ой, нет! – смутилась девушка.

– Ну почему? Разве стихи пишутся не для того, чтобы их слушали?

– Нет, не надо...

– Ия... – юноша снова мягко сжал её руку, просительно заглянул в глаза, которые она тотчас опустила, скрыв под сенью ресниц. – Я люблю твои стихи, и потом – мы так давно не виделись...

– Ладно, я прочту, – согласилась она, – но только если ты сегодня вечером сходишь со мной в Ледяной дворец.

– В Ледяной дворец? – воскликнул Май. – Опять морозные узоры и снежинки? Уволь меня – они и так мне уже по ночам снятся.

– А мне их, между прочим, изучать на следующем курсе. Я хочу посмотреть, – упрямо заявила Ия, – и покататься на коньках хочу.

– Я бы гораздо охотней пошёл с тобой к морю. Что ты за странная девушка? Стоит лето, а тебе хочется в Ледяной дворец.

– Тогда обойдётся без стихотворения.

– Нет! Лучше в три тысячи первый раз увижу снежинки.

– А ты считал? – засмеялась Ия. – Ну хорошо, прочитаю одно...

- Нет уж! Тогда три.
– Май!..
– По-моему, я не так уж много прошу за то, что собираюсь про-
мёрзнуть целый вечер, – не сдавался он.
– Давай – два стихотворения? Ни мне, ни тебе.
– Два – и третье совсем короткое, – стоял он на своём
– Ну ладно, ладно... – и Ия прочитала:

*Выгнул над миром
серебряный рог
месяц холодный.
Севера выдох
на крыльях донёс
ветер свободный.
Бархат полночный
мягко накрыл
небо и крыши,
И по нему
созвездий узор
жемчугом вышит.
Двигутся стрелки.
Нужно идти.
Впрочем, успею.
Над головою –
блеск «дабл-ю»
Кассиопеи.
Вехи вдали –
как маяки
в воздухе стилом.
Мой через них
вычерчен путь –
светлым пунктиром.*

- А мне понравилось, – помолчав, сказал Май.
– Подхалим!

– Ничего подобного! Читай второе.

– Когда придём в Ледяной дворец. Так что пока – и до встречи! – девушка взбежала по лестнице в корпус женского общежития.

Впечатлённый встречей и разговором, Май отправился к себе и только по дороге, охнув, вспомнил, что сегодня вечером – занятие по медитации.

...Целый час он терзался угрызениями совести, не зная, как быть. Отказаться от встречи с Ией, смертельно обидеть её? Или оскорбить своим пренебрежением к занятию Мастера? Эти мысли совершенно заели его, он проклинал сначала свою забывчивость, потом – нерешительность, не зная, какое зло из двух выбрать. Он ставил себя сначала на место Ии, потом – на место Шао Чхо, пламенно извинялся перед обоими, и на месте каждого из них всё-таки чувствовал себя глубоко уязвлённым.

Вконец измучившись, юноша отправился в Академию, нашёл Мастера Шао Чхо и, краснея от стыда, объяснил ему ситуацию.

Тот улыбнулся:

– К чему так много слов, Май? Айк вот никогда не извинялся, пропуская занятие – и муки совести его не глодали. Ничего страшного не случится, если ты не придёшь.

– Это ужасно. Мне так неловко, Мастер...

Шао Чхо чуть прищурил глаза-маслины:

– А почему тебе неловко? Ты не хочешь меня обидеть?

– Да...

– Разве ты занимаешься ради меня, Май? Для того, чтобы доставить мне удовольствие? Своим личным временем ты имеешь полное право распоряжаться, как пожелаешь.

– Но я не хотел пропускать сегодняшнюю медитацию...

– А что такое, по-твоему, медитация? – чуть насмешливо спросил его Шао Чхо. – Сидеть в позе лотоса и глядеть в собственный пупок? Айк, например, так и полагает, а я его не разубеждаю – может, когда-нибудь он что-то там и разглядит. Но чтобы заниматься медитацией – вовсе не обязательно приходиться ко мне в зал и смотреть на горящую свечу, пока от усталости не сведёт глаза и ноги. Ты мо-

жешь заниматься этим где угодно и когда угодно – и в Ледяном дворце тоже, если пожелаешь.

– Каким образом? – изумился Май.

– Начни с самого начала. Ты не умеешь сосредотачиваться, не можешь сконцентрировать своё внимание на чём-то одном. Тебя сразу же отвлекают сотни мыслей о постороннем. Верно?

– Да, Мастер, – признал юноша.

– В результате ты вроде бы глядишь на предмет, но думаешь не о нём – мысли, подобно хаотическому Броуновскому движению молекул, дёргают в разные стороны твоё внимание. И это происходит не только во время занятий медитацией, а постоянно. Ты делаешь одно, а думаешь о другом. И таковы в большинстве своём все люди, Май. Просто они привыкли к этому постоянному хаосу мыслей в голове и не замечают его.

– Я замечаю, – возразил студент.

– Если замечаешь, то слишком поздно, – улыбнулся Шао Чхо, – когда этот водоворот мыслей уже далеко затянет тебя.

– Да, верно... Чаше всего я не могу с ним справиться...

– Как раз этому я и стараюсь научить вас на своих занятиях – чтобы концентрацией на каком-то одном предмете вы могли отсеять все посторонние мысли. Если ты не научишься управлять потоком мыслей, дальше совершенствоваться в искусстве медитации ты просто не сможешь, тебе придётся снова и снова возвращаться к началу. Учиться этому можно и нужно, и отнюдь не только в моём зале. Попробуй заняться концентрацией сегодня в Ледяном дворце. Когда будешь разглядывать очередной морозный узор или новую необычную модель снежинки, которая привлечёт твоё внимание – постарайся удержать его на этом предмете. смотри на него и думай только о нём, – всё, в данный момент к этому предмету не относящееся, выброси из головы, из своего ума. И пусть твоё внимание переходит вместе с тобой с одного на другое; не отвлекайся ни на что постороннее.

– Я постараюсь, Мастер.

– Это будет очень хорошо, – одобрил Шао Чхо.

...Вечером Май и Ия подошли к ледяному дворцу. В руках у них были свёртки с тёплой одеждой.

– Смотри, – заметил юноша, – мы с тобой одни. Больше не нашлось безумцев, решивших в разгар лета погулять по холодку.

– Ну и что? – смеясь, спросила девушка. – Будет свободнее на катке.

Служитель Дворца, дремавший на страже в гардеробе, был тоже несколько удивлён появлением юной пары, однако ничего не сказал по этому поводу; только напомнил, что в десять вечера Дворец закрывается. Они переоделись и вступили в царство Зимы.

Остановившись, Май придержал спутницу за руку и напомнил:

– Стихотворение, Ия. Ты обещала.

– Обещала, обещала, помню... Прочитаю о новолунии, хорошо?

Май закивал, и девушка прочла загадочным голосом:

Полночь.

*Мерцают звёзды, словно свечи
на кануне.*

*Не видно месяца – сплошное
новолунье.*

*Раскисший снег – рекой молочного
обрата.*

*О полночь! Полночь! У тебя –
глаза Марата.*

*Морфей крылатый, утешитель
поколений –*

*Прошу – пошли мне крепкий сон
без сновидений...*

– О, ты, похоже, и правда мечтала вернуться в Академию и выспаться! – с иронией заметил Май.

– Да! – засмеялась Ия. – Это была не то первая, не то вторая ночь на Материальном Плани. Новолуние, сырость, слякоть... Я думала: Боже мой! И так – четырнадцать дней?!.

– Но, кажется, к первой четверти Луны ты полюбила и зиму,

творчество Селены Фай?

– Нет, тебе не кажется, – девушка взяла его под руку, и они двинулись в недра Ледяного дворца.

...Это был музей сказочной красоты, похожий на огромную пещеру или лабиринт с большим количеством ответвлений и маленьких зальчиков, похожих на гроты. Потолки и своды покрывали сплошные сталактиты сосулек – правда, здесь можно было не беспокоиться, что одна из них может ненароком отвалиться и ударить по макушке. Прозрачные ледяные плиты пола, похожие на квадраты мрамора, не скользили под ногами. Из подобных прозрачных плит были и стены – и внутри них, как за стеклом, вдоль всех коридоров размещались экспозиции снежинок – вернее, их моделей, подобных тем, какие студенты изготавливали на уроках кристаллографии. Тысячи моделей аккуратно располагались, как в сотах, в прозрачных ячейках. Здесь были только модели, принятые к производству – то есть миниатюрную копию каждой можно было обнаружить в какой-нибудь точке Земли в одну из зим. Экспозиции постоянно обновлялись, и все уже созданные когда-либо модели заносились в память компьютера – чтобы не было двух одинаковых.

– Экспозиция Рама Гора, – сказал Май, останавливаясь у одной из стен.

Ия подошла и тоже остановилась.

– Они прекрасны! – поглядев на них, выдохнула она.

Юноша и девушка медленно двинулись вдоль этой стены. Ия переводила восхищённый взгляд с одной модели на другую:

– Какое совершенство формы! Какая выверенность каждой грани, каждой детали! Какое богатство внутреннего рисунка! Ты говорил, Айк прозвал Рама Гора «Скульптором снежинок»? Право, это необычайно точное прозвище. Какая тонкая работа!

Май, у которого уже в глазах рябило от снежинок, проговорил:

– Ну, если Рам Гор будет преподавать кристаллографию у вашей группы на следующем курсе – ты с ним, пожалуй, поладишь.

– А ты не ладишь? – улыбнулась Ия.

Содрогнувшись, он признался:

– Я его побаиваюсь. Он точь-в-точь такой же, как его модели.

– Красивый, гармоничный, уравновешенный?

– Нет. Холодный, строгий, равнодушный.

– Как видишь, тут всё зависит от точки зрения. От угла, под которым смотришь.

– Просто ты говоришь про его творческие качества. А я про человеческие, – возразил Май.

– Должно быть, ты слишком прохладно относишься к кристаллографии, – прищурилась Ия, – соответственно и Учитель относится к тебе.

– Да он ко всем так относится! – запальчиво возразил юноша. – Он такой высокомерный... разве Мастер Шао Чхо таким бывает?

– Послушай, но все люди разные! – воскликнула Ия. – А Учителя что – должны быть одинаковыми? Разный характер, разный темперамент... При чём здесь Мастер Шао Чхо? Рам Гор в своей области ничуть не менее превосходный специалист, чем Шао Чхо – в своей.

– А что это ты так горячо его защищаешь? – сердито спросил Май. – Влюблена ты в него, наверное?

Девушка изумлённо посмотрела на своего спутника и расхохоталась:

– Ой, ну какой же ты ещё мальчишка! На тебя даже злиться невозможно...

Он продолжал сердито сопеть.

– А знаешь... если бы ты большую часть пыла, которую вкладываешь в осуждение Рама Гора, приложил к тому, чтобы глубже изучать его предмет – он совершенно по-другому бы смотрел на тебя...

– А может, хватит о Рама Горе? Смотри, его экспозиция уже закончилась.

Ия взяла его под руку и ласково сказала:

– Да не сердись ты, глупенький! Ну, это же просто смешно...

Некоторое время они шли молча, потом девушка нарушила молчание:

– Май, а тебе приходилось бывать на материальном Плане зимой? Ну, я имею в виду то время, когда ты уже учился в Академии.

– Конечно, – пожал он плечами.

– А стихи вы об этом писали? А то нечестно: я тебе уже два прочла, а ты мне – ни одного.

– Но мы так не договаривались! – запротестовал Май.

– Давай сейчас договоримся, – девушка поправила меховой капюшон на его куртке, лукаво заглянула ему в глаза, провела пальчиком по его бровям. – Ну, не хмурься, пожалуйста! Я тебе прочитаю ещё одно стихотворение, короткое, как и обещала – но и ты прочтёшь одно.

– Ладно, – сдался студент. – Если только вспомню... Ага, вот:

*В сизых тучах солнце тонет,
Кроткий зимний день померк.
Город – в ледяном хитоне.
На асфальтовых ладонях
Задремал, не тая, снег.*

*Окна в транспорте и двери –
В изразцах резной слюды
В духе сказочных поверий:
Фантастические звери
И волшебные сады.*

*Дремлет парк, объятый тайной
И гипнозом белых снов.
Только вьётся, кружит рьяно
Над заснеженной поляной
Стайка зимних мотыльков.*

– Ого! Это твоё стихотворение? – воскликнула Ия.

– Нет, – вздохнув, сознался Май, – Лео, моего друга.

– А своих припомнить не можешь?

– Да ну их...

Они снова шли и молчали. Потом, опять вздохнув, Май вспомнил:

– Ты знаешь, когда-то мне всё это казалось просто бессмыслицей.

– Что – всё? – заинтересовалась его собеседница.

– Ну, вся наша работа. Я никак не мог взять в толк – зачем это нужно и кому? Тонны снега вываливаются каждый год на землю, и каждая снежинка в любой тонне должна быть не похожа на другую! Снег выпадает, тает, снова выпадает. Его топчут ногами. Какая разница – из разных снежинок он будет состоять или из одинаковых? Красивыми они будут или примитивными? Мы здесь изоощряемся, разрабатываем схемы – а в результате кому они нужны? Кто на них смотрит, кто сравнивает? Почему все листья, все цветы должны быть разными? Почему нельзя вырастить два одинаковых дерева? Зачем мы учимся создавать сложнейшие по форме и совершенные по красоте морозные узоры? Здесь у нас хотя бы имеются Ледяной дворец и двое безумных студентов, желающие среди лета любоваться шедеврами Зимних мастеров – а на Земле?

– И что же – ты до сих пор так считаешь? – удивлённо приподняла брови девушка.

– Ну как сказать.... да, в общем, я просто припоминаю сейчас свои первые впечатления, когда очнулся на Астральном Plane и увидел Проводника.

– И что, что он тебе сказал? – спросила Ия возбуждённо.

– Я думаю, они всем говорят примерно одно и то же. В смысле, всем тем, кого направляют в Академию, – поправился Май. – Сначала он объяснил, что я нахожусь на Астральном Plane между Воплощениями на Земле, что в своих предыдущих Воплощениях я достиг достаточно высокого уровня саморазвития и самосовершенствования. Что у меня уже раскрывалась одна из творческих чакр, и в двух последних своих жизнях на земле я был художником. Он сказал мне, что я могу просто отдохнуть на Астральном Plane перед тем, как снова вернуться на Землю, воплотиться в плоть и кровь и продолжить совершенствование души. Но могу и многому научиться здесь: ведь творческие порывы – это самое ценное, что есть в человеке; это то, что роднит его с самым великим Творцом. Я уже был земным художником – а теперь могу стать Художником Небесным – ведь, по большому счёту, земной художник, рисующий пей-

зажи, только копирует картины своего небесного собрата.

Я помню своё безмерное удивление. Всё, что я считал беспечной игрой слепых сил природы – рассветы и закаты, вязь морозных узоров на стёклах, даже формы деревьев и листьев на них – всё оказалось не случайностью, а творением художественного разума...

– Разве ты не испытал гордость, когда осознал это? – воскликнула Ия. – Гордость и радость от того, что тебе предоставили возможность быть сопричастным к этому чуду – украшать Землю?

– Не знаю... – неуверенно проговорил юноша. – Гордость – пожалуй, нет. Удивление – да. Я помню, как поразился, увидев окружающие окрестности и само здание Академии. Здесь не было ничего, что как-то напоминало Астрал – ну, вернее, то, как я представлял себе Астрал, – та же земля, то же небо, те же деревья... Никаких полупрозрачных стен, никаких тел, проходящих друг сквозь друга. Когда я спросил об этом Проводника, он сказал, что так мне будет проще жить и учиться – оказавшись в привычных условиях, – а вообще в Астрале много слоёв, увижу я и другие. Но различие с привычной земной жизнью, конечно же, было – синтезаторы пищи, к примеру, и эти способы перемещения с Плана на План... – Май помолчал. – Ты вот радуешься своей сопричастности к искусству украшения Земли – а я не перестаю думать, что наша работа, по большому счёту, лишена смысла, – в его голосе зазвучала горечь, – ну, изобрету я тысячу новых моделей снежинок, ну, запустят их на Землю в одну из зим – и что дальше? Кто их там будет разглядывать? Кому какое дело – совершенен ли их рисунок или нет?

– Вы мечтаете о земной славе, молодой человек, – важно заметила Ия.

– Вообще нет, – досадливо мотнул головой Май, – просто мне не хотелось бы работать впустую...

За разговорами они дошли до зала с морозными узорами, искрящимися в лучах подсветки. Ия, увидев их, восхищённо ахнула, и у неё засияли глаза. Уже не глядя на Мая, она небрежно сказала:

– Ты слишком заботишься о плодах своего труда. Но неужели ты не понимаешь – человек творит просто потому, что не может не

творить? Истинный художник создаёт свои картины не награды ради! Он подобен Солнцу, дарящему свой свет и тепло всем – и добрым, и злым; и человеку, и самой маленькой букашке. А ты хочешь признания – не обманывай себя: ты хочешь быть признанным художником. Это оттого, что у тебя недостаточно отработана на Земле Манипура – чакра власти. Ты вернёшься на Землю и добьёшься славы и известности, как земной художник... потому что, пока ты не отработаешь, не исчерпаешь план Манипуры – она будет мучить тебя, тянуть назад, не давая развиваться дальше...

– Откуда ты знаешь? – подозрительно спросил Май.

– Знаю, – улыбнулась девушка, – у меня высоко развита интуиция.

– Мисс Интуиция, а вы не забыли, что должны мне ещё одно стихотворение? – напомнил он.

– Забудешь с тобой, как же... – вздохнула Ия, – но мы договорились на короткое, так что – четверостишие.

*Вечер смеживает очи.
И висит средь тишины
На упругой ветке ночи
Рыжий апельсин Луны.*

– И довольно болтовни. Давай смотреть, зачем пришли...

Они просмотрели несколько экспозиций, заполненных удивительной вязью морозных узоров, рождённых неисчерпаемой фантазией Зимних Мастеров; потом добрались до катка и успели ещё немного покататься на коньках. А после поспешили вернуться, ибо время приближалось к десяти.

И лишь проводив Ию до общежития, Май внезапно вспомнил разговор с Мастером Шао Чхо и его совет – как сконцентрироваться и поработать над отключением посторонних мыслей; совет, который совершенно вылетел у него из головы...

5. РАБОТА СО СТИХИЯМИ

Лео вошёл в зал для медитации и поклонился:

– Здравствуйте, Мастер.

Шао Чхо, менявший свечу в аромалампе, обернулся к нему с приветливой улыбкой:

– Здравствуй, Лео.

– Вы не заняты сейчас? Я хотел с вами поговорить.

– Даже если бы я был занят, мой мальчик, для тебя я всегда найду время.

– Спасибо... Мне очень нужен ваш совет.

– Тем более.

Шао Чхо сделал приглашающий жест, и они уселись на невысоком татами, с которого Мастер медитации обычно показывал ученикам очередной дыхательный комплекс.

– Когда я копирую картину кого-то из наших Небесных Художников, – начал Лео, – я пытаюсь постичь – в чём тайна её гармонии. Но она от меня ускользает... – он вздохнул. – Я работаю, извожу краски и палитры, трачу часы – но у меня ничего не получается. Мои друзья находят, что я делаю очень похожие копии, но я вижу, что они заблуждаются... И дело не только в копировании. Даже когда я создаю собственные картины – то чувствую: в них чего-то не хватает. Картина подлинного мастера совершенна, даже если он использует очень лаконичные изобразительные средства... Я нашёл это слово, Учитель. Души – вот чего нет в моих картинах. Как мне её найти, как передать полотну? Я спрашивал об этом у Эол Сана, и он сказал, что когда истинный Художник создаёт картину, то он сам и его творение – одно.

– Эол Сан – мудрый учитель, – удовлетворённо кивнул Мастер медитации.

– Но вы тоже, – взглянул ему в глаза Лео, – и я хотел вас просить... не откроете ли вы мне способ – как добиться такого слияния с собственным творением?

– Милый юноша, – помолчав, тепло сказал Шао Чхо, – из тысячи учеников едва ли один задаётся подобным вопросом... теперь тебе понятно, почему художников – тысячи, а Мастеров – единицы? Ты просишь открыть тебе способ... но я могу только показать дверь. А входить в неё и идти тебе всё равно придётся самому. Человек

может узнать вкус незнакомого плода только тогда, когда сам отведаёт его – никакие описания ему не помогут.

– Но я готов, я хочу идти! – горячо сказал Лео. – Моя работа не приносит мне удовлетворения – может быть, я работаю не так и не над тем? Мне кажется, я тычусь вслепую и никак не нащупаю что-то самое главное.

– О самом главном и не скажешь в словах, – задумчиво проговорил Мастер. – Существуют вещи и состояния настолько неуловимые, что ощутить их возможно, но описать на словах человеку, который никогда их не испытывал – нельзя. Раньше я пытался, но ученики меня не понимали. Это всё равно, что объяснять слепорождённому – что такое свет. Нужно постараться избавиться от слепоты – и тогда ты всё увидишь сам. Ты предчувствуешь наличие этого главного, необъяснимого словами – поэтому, я уверен, ты отыщешь его – скорее, чем все остальные. Если ты будешь тянуться к этому неведомому – пусть даже наощупь, как слепой котёнок – то и оно в ответ начнёт тянуться к тебе. Я не знаю, как это произойдёт в твоём случае – одни проходят долгий путь, на других озарение происходит мгновенно...

Шао Чхо поднялся и подошёл к небольшому камину, оборудованному здесь же, в зале. В камине лежали сухие берёзовые дрова, и Мастер принялся разжигать огонь.

Лео молча смотрел. Если Шао Чхо в самый разгар лета разводил огонь в камине – значит, в этом был какой-то смысл.

– Возьми свой коврик для медитации и садись сюда, к огню, – велел он юноше. – Сегодня ты будешь медитировать на огонь, – смотри на пламя и слушай меня. Постарайся понять то, что я попытаюсь тебе объяснить. Когда вы концентрируетесь на каком-то предмете – я велю вам учиться отсекаать поток мыслей. Задумывался ты когда-нибудь – зачем? У этого есть много причин, и одна из них – та, что ваши мысли встают между вами и наблюдаемым объектом. Ты глядишь в огонь и подсознательно думаешь: вот я – здесь, а огонь – там. Таким образом, ты выстраиваешь расстояние между собой и тем объектом, на который смотришь. Далее – ты думаешь, что

огонь – такой-то и такой-то. Ты ментализируешь наблюдаемый объект, приписываешь ему какие-то качества... В результате ты видишь не объект, а своё представление о нём. Всё это мешает тебе постичь наблюдаемый объект **непосредственно**. Ты много раз в своей жизни смотрел на огонь. Но можешь ли ты сказать, что **знаешь** огонь? В чём состоит его природа? Всё, что ты знаешь – это твоё воображение об огне.

Твои мысли, представления отделяют тебя от огня. Попробуй сейчас забыть обо всём этом. Отрешись от своих прежних знаний, ибо это – не настоящее знание. Смотри на огонь так, словно видишь его впервые в жизни. Ни о чём не думай. Просто – смотри. Попробуй почувствовать его. Ты узнаешь огонь только тогда, когда он сам пожелает открыться тебе. И когда он тебе откроется – тогда ты будешь уверен, что на самом деле знаешь огонь. Это будет непосредственным знанием, почёрпнутым из первоисточника, напрямую...

Шао Чхо смолк. Лео неотрывно глядел на танцующее в камине пламя. Сначала он вспоминал слова, услышанные только что, потом захотел от них отрешиться. Он опустошил свой ум, сузил зрение так, чтобы не видеть ничего за пределами камина, постарался максимально расслабить все мышцы тела.

Лео сидел в «лотосе» – он был гибким юношей с подвижными суставами и связками, и потому находил эту асану самой приемлемой для долгого сидения. Его дыхание было глубоким, спокойным и медленным, постепенно замедляясь ещё больше. Лео слышал биение сердца, ощущал, как оно сотрясает грудную клетку, словно с каждым толчком в нём раскачивается невидимая пружина. Со временем он почти перестал чувствовать своё тело – оно блаженно расслабилось и словно бы растаяло. Была только раскручивающаяся пружина сердцебиения и дыхание – но и его Лео ощущал по-другому, не как обычно. Вдох происходил будто бы не через ноздри – а через всё тело, и при этом оно как бы расширялось во все стороны, впитывая из воздуха то, что Шао Чхо называл праной, жизненной силой. На выдохе тело точно «собиралось», сжимаясь до обычных размеров и выталкивая из себя наружу, за оболочку

всё ненужное, отработанное.

Краем сознания Лео осознавал эти смены фаз вдоха и выдоха, но большая часть его внимания была поглощена пламенем в камине. Он просто смотрел на него, наблюдая бесконечно меняющийся силуэт огня, на переливы цвета, на изредка взлетающие искры. Он не пытался понять его, не думал о нём – просто смотрел... Постепенно к Лео пришло ощущение, словно он связан с пламенем невидимыми нитями; он определённо заметил новое чувство в своём теле – точно кожу защемили невидимыми зажимами – к которым и прикреплены эти нити, неудержимо притягивающие его к огню. Это было похоже на вакуум – будто из пространства между ним и пламенем выкачали воздух; и внутри образовалась пустая сфера, замкнутая и стянутая по контуру. Когда Лео делал вдох – он чувствовал, что его энергетическое тело, расширяясь, доходит до границ этой сферы и вступает в непосредственное соприкосновение с огнём; что на вдохе он напитывается этой огненной энергией, и она смешивается с его собственной, а на выдохе эти смешанные энергии сгущаются и уплотняются в нём.

Скрещённые в «лотосе» ноги Лео удобно и прочно лежали на полу, как фундамент; он явственно ощущал твёрдую поверхность пола каждой клеточкой тела, которая с ним соприкасалась. Его же спина с центральной осью позвоночника была струной вытянута вверх перпендикулярно полу. Он заметил в себе две силы, словно тянущие его в двух противоположных направлениях: одна тянула вниз, и это была сила тяжести, но другая, уравновешивая первую, незримо тянула его вверх, словно к макушке был прицеплен невидимый крюк. Центр, из которого расходились эти две противоположные силы, находился где-то внутри живота, напоминая тяжёлый шар, лежащий на тазовых костях. По-видимому, это и был дань-тянь, центр тяжести, нижний – один из тех, о которых им толковал на занятиях Шао Чхо. Но Лео не отвлекался от созерцания пламени. Он вдруг почувствовал – не подумал, а почувствовал – что огонь неудержимо тянется вверх, точно пытаюсь оторваться от берёзового полена. Он был как накачанный водородом воздушный

шарик, привязанный ниточкой к дереву. Ветер колеблет его, шарик пытается улететь, но нить прочно удерживает его на месте. Такая же сила, противоположная силе тяжести, тянула вверх и энергетическое тело Лео. Они были похожи сейчас – Лео и пламя, ибо эти две силы – родственны по происхождению, либо это и была одна и та же сила... В этот момент озарения Лео осознал, что природа Огня – **тянуться вверх**.

Но и осознав сей факт, юноша не позволил радости понимания, мгновенно обрушившейся на него, взять его в плен, а продолжил созерцание. Он смотрел на берёзовые поленья, постепенно чернеющие в пламени, и понимал, не думая – что дерево не погибает. Да, оно отдаёт свою силу Огню, да, оно порождает Огонь – изменяя свою природу, оно само на время становится Огнём – а потом превращается в уголь, Землю. Если бы Дерево не приносило себя в жертву Огню – он не смог бы существовать. Чудо рождения Огня происходило в жертвенном союзе его с Деревом.

...Выйдя из глубокого транса, Лео обернулся и увидел улыбающееся лицо Шао Чхо с сияющими глазами.

– Bravo, мой мальчик! – сказал он. – Вот теперь мы оба с тобой уверены, что ты **познал** природу Огня – а также что значит быть неотделимым от наблюдаемого объекта...

Однако два дня спустя Шао Чхо, проходя мимо центральных дверей Академии, увидел выходящего из них Лео. Весь вид того выражал крайнюю расстроенность.

Он окликнул юношу, ибо тот ничего не замечал вокруг, и Лео спустился со ступенек, приблизился с лёгким почтительным поклоном:

– Здравствуйте, Мастер. Простите, я вас не видел.

– Не мудрено, – усмехнулся Шао Чхо. – Как ты ещё ступеньки под ногами разглядел, Лео? Что-то случилось?

– Был урок биологии, – объяснил студент, – мы рисовали эскизы будущих берёз. Учитель Бао Шун принял все эскизы – Айка, Мая, Кира и Дана, – все, кроме моего. Он сказал, что я изобразил неудачное дерево, что все детали его взяты из головы, и красота его

неестественна. Что он ждёт от меня большего... неужто я настолько бездарен, Мастер? – горько спросил Лео. – Неужели мне, как и Киру, нужно идти и подавать заявление с просьбой об отчислении – если я даже дерево достоверно изобразить не могу?

Шао Чхо легко рассмеялся:

– Не в этом дело, милый юноша. Но кому больше дано – с того и спрос больше.

Сердце Лео забилося быстрее:

– Вы... в самом деле так считаете? Что мне дано больше других?

– Только не вздумай зазнаться, – погрозил ему пальцем Мастер медитации. – У тебя впереди – долгая учёба, прежде чем ты сумеешь полностью реализовать весь свой творческий потенциал.

– У меня и в мыслях не было зазнаваться, – покраснел Лео. – Да и чем зазнаваться-то? Тем, что мой проект забраковали?

– Наверное, Бао Шун распознал его искусственность. А для того, чтобы нарисовать дерево естественной красоты – ты должен осознать, в чём состоит эта его естественная красота. Ты должен познать природу Дерева так же, как до этого познал природу Огня.

– А... вы мне в этом поможете, Мастер?

Шао Чхо неслышно приблизился и легонько постучал указательным пальцем по груди Лео:

– Твой лучший помощник находится здесь, – загадочно сказал он. – Это – твой дух, совершенный и всезнающий. Ты сменил много оболочек, воплощаясь на Земле, одеваясь в материальные тела, но дух в них был неизменен. В себе он сохранил все знания, которые получал на Земле. Этот дух и есть твоё истинное «я», а медитация – только способ вступить с ним в контакт, осознать, *кто* ты на самом деле. Приходи, когда захочешь. Я всегда найду для тебя время.

– Я тоже, Мастер. Я готов. Нет таких дел, которые не могли бы подождать.

– Тогда пройдемся? – сделал приглашающий жест Шао Чхо.

Учитель и ученик не спеша направились вглубь парка. Оба молчали. Шао Чхо ни о чём не спрашивал, а юноша не решался первым прервать молчание.

Почти в центре парка, в уединённом месте росло несколько высоких развесистых берёз. День был солнечным и ясным, но здесь кроны образовывали приятную кружевную сень.

– Погляди на эти берёзы, – предложил своему спутнику Мастер, – и выбери ту, которая сразу тебе понравится.

Лео окинул взглядом белоствольных красавиц и, секунду поколебавшись, подошёл к одной из них. Когда он коснулся коры, ветерок тронул ветви-косы, и листья на берёзе легонько зашелестели.

Шао Чхо удовлетворённо кивнул:

– Ты тоже приглянулся ей. Повернись к берёзе лицом и обними её ствол руками и ногами, прижмись лбом к коре и закрой глаза... Действуй так же, как ты медитировал с Огнём – расслабься, отключи все мысли и прислушивайся к дереву. Постарайся его почувствовать – и, если оно захочет, то откроется тебе...

Лео начал с того, что постарался сделать позу максимально естественной и расслабленной, слегка подвигал лбом, чтобы придать ему удобное положение при соприкосновении с корявой корой, а потом замер, глубоко дыша и концентрируясь только на своём дыхании. Его позвоночник расслабленно повис, опираясь на крестец, тело словно растаяло, паря в невесомости; через какое-то время Лео совершенно перестал его ощущать – только тонкую оболочку, которая соприкасалась со стволом берёзы. Дыхание его становилось всё глубже; Лео чувствовал, как кровь с каждым толчком сердца пульсирует по венам и артериям. Его энергетическое тело снова расширялось и сужалось, постепенно сливаясь с энергетическим полем дерева, проникая в него. Скоро он уже не мог различить, где проходит граница между этими телами; какая-то часть Лео проникла внутрь структуры дерева, и он ощущал её, как себя. Точно так же, как по его позвоночнику курсировала кровь, разливаясь по всему организму – так же вдоль ствола берёзы двигались жизненные соки, поступая к ветвям и листьям. Кожей (вместе с листьями) он впитывал из воздуха прану, и она тоже расходилась по телу, напитывая каждую клеточку. Лео ощущал, что ноги его словно проросли вглубь, соединились с корнями берёзы; он чувствовал, как они

извлекают влагу из земли, подавая её в ствол и выше. Вода порождает Дерево, – понимал он на каком-то уровне своего сознания. Ещё он потрясённо понял вдруг, что дерево – это постоянно растущая, развивающаяся система; она всё время изменяется, просто происходит это медленно, незаметно для глаза. Дерево называется именем существительным, но слова ошибочны. Это определение привносит статику, искажает суть – и сознание привыкло считать дерево чем-то неподвижным, неизменным. На самом деле сущность дерева – это рост, развитие.

Лео, словно озарённый, понял, что форма дерева – это просто форма распределения в нём энергии, и именно разницей распределения энергии в них и определяется такое многообразие пород деревьев. Он понял сущность этого распределения в берёзе и тут же понял, где были его ошибки, когда он изобразил собственный эскиз. Бао Шун был прав – Лео рисовал эскиз «из головы». И ему стало ясно, что объяснить кому-либо на словах – в чём состоит сущность движения энергии в той же берёзе – просто невозможно. Есть знание без слов, которое можно получить напрямую, но выразить его в словесных символах – значит, исказить его суть...

И ещё ему показалось, что он слышит музыку. Она поднималась снизу, из-под земли – и тянулась вверх вместе со стволом берёзы. Там, где ствол раздваивался – словно бы распадалась надвое сама в себе и мелодия; два различных инструмента исполняли её. Тональность мелодии постепенно повышалась вместе с утоньшением ствола дерева – и каждый лёгкий изгиб, уклон его вызывал изменения в звучании мелодии. В вышине ствол, распадаясь на множество ветвей, вызывал звучание множества разных инструментов. Если прислушаться, их можно было услышать каждый по отдельности; но вместе они звучали в одной тональности и в полной гармонии. У каждого дерева была своя мелодия, непохожая на другую...

– Лео, – услышал он словно откуда-то издалека голос Шао Чхо, – Лео, возвращайся.

Он с трудом пришёл в себя и открыл глаза. Мастер медитации помог ему расцепить руки, сомкнутые вокруг ствола.

– Слишком подолгу медитировать с деревом нельзя, иначе оно может тебя не отпустить. Но я вижу, ты всё понял сам.

– Да, Мастер, – Лео поглядел ему в глаза. – Спасибо, что вы помогли мне...

6. ЗАНЯТИЕ В ВЫСШИХ СЛОЯХ АСТРАЛА

– Учитель, – спросил Дан, – а далеко отсюда эти Высшие слои Астрала? (Сегодня перед занятием было объявлено, что ныне состоится давно обещанный урок в одном из Высших слоёв).

Эол Сан удивлённо посмотрел на него:

– Ты разве не помнишь, Дан? Здесь нет никаких расстояний между планами и слоями. Все они находятся рядом, один в другом – в одно и то же время. Но я говорю так условно, ибо и время – это относительная величина. Кстати, мы же в прошлом году путешествовали на План Материи. Ты уже забыл, как это происходило?

– Да нет, я помню, Учитель, – смутился юный студент, – но мне как-то трудно понять, как это возможно: перейти с одного Плана на другой, оставаясь на том же месте? Мне проще считать, что мы всё-таки перемещались в пространстве...

Эол Сан улыбнулся; сдержанно улыбнулся и Кир, а все остальные студенты группы «Гамма» засмеялись.

– Дан, ты наивен, как ребёнок, – снисходительно заметил Айк.

– Айк, ты бы лучше не насмехался, а объяснил своему товарищу, – заметил Учитель живописи, – кстати, к концу четвёртого курса ему пора бы уже знать такие вещи.

Ну, объяснять, выступать в роли наставника Айк любил. Он заговорил охотно, но снисходительность не исчезла из его голоса:

– Разные Планы существования, Дан, действительно находятся в одном и том же месте одновременно. Различаются же они друг от друга только частотой вибраций. Чем ниже План – тем ниже, медленнее и частота колебаний, но чем выше План – тем выше и частота. Когда ты находишься на каком-то из Планов – твоё тело полностью состоит из вибраций этого Плана, потому оно и воспринимает

только его и не замечает других слоёв, состоящих из более высоких либо более низких колебаний. Таким образом, Планы пронзают друг друга – при этом несколько друг на друга не влияя. Помещение можно заполнить разными лучами – световыми, рентгеновскими, ультрафиолетовыми – они пронзят друг друга, не изменяя собственной структуры... я правильно объясняю, Учитель? – прервал Айк свой монолог. Эол Сан одобрительно кивнул, и студент продолжил: – Когда нам нужно перейти на другой План существования – мы должны привести своё тело и сознание в соответствие с его вибрациями, то есть сильно понизить их либо повысить. Переходя на План материи – мы сильно понижали вибрации тела, в результате мы воспринимали материальную Землю и переставали ощущать те слои Астрала, в которых находимся сейчас.

– Но почему же тогда структура моего тела не меняется? – нетерпеливо спросил Дан. – Почему же тогда я ощущаю себя одинаково – как здесь, так и на материальной Земле?

Айк вздохнул и вопросительно взглянул на Эол Сана.

– Разве Проводник, встретивший тебя после Развоплощения и астрального сна, не объяснял тебе это? – спросил Учитель.

– Кажется, объяснял, – краснея, признал Дан. – Но я мало что понял. Объясни мне лучше ты, Айк.

– Структура твоего тела меняется, – терпеливо ответил тот. – Но, как я уже говорил – тело соответствует вибрациям Плана, на котором оно находится. Поэтому ты одинаково естественно ощущаешь себя как на Плани материи, так и на материальном Плани.

– А переход мы будем ощущать так же, как и в прошлом году? – этот вопрос Эол Сану адресовал Май.

– Почти, – ответил тот. – Но вы должны знать, что на более низкий План переход осуществляется проще, чем на более высокий. Если для путешествия на План Материи достаточно было одной мантры и замыкания энергетической цепи, то здесь нам понадобится ещё специальный напиток, который поможет поднять вибрации тела до более высокого уровня. Ну и мантра, конечно же, будет сложнее.

А теперь о самом задании. После перехода в высшие слои

Астрала вам покажется, что вы попали в пустынное место. Но материя Астрального Плана очень подвижна – и потому любая мыслеформа, возникающая в вашем воображении, будет моментально воплощаться. Будьте внимательнее со своими мыслеформами, чтобы не отвлекаться от задания; держите контроль. А задание будет таким: каждый из вас должен будет по очереди создать из астральной материи картину заката – свою собственную, а не виденную когда-то прежде. Работать вы будете в парах – первый создаёт картину, второй, проникшись её настроением – старается написать стихотворение по ней. Задание всем понятно?

– Да, - вразнобой отозвались студенты, а Кир тяжело вздохнул.

– Кир, я уверен, что на этот раз у тебя всё получится, – подбодрил его Учитель живописи. – А сейчас мы будем разучивать мантру. Обратите внимание на правильность произношения звуков, на то, чтобы они проходили по вашему телу свободно, без напряжения...

Эол Сан пропел им древнюю мантру на санскрите, потом разбил её на отдельные слова, а слова – на слоги; объяснил, как нужно работать с дыханием, где требуется повыситься или, напротив, понизить тональность. Довольно долгое время они нараспев учили эту мантру, пока каждый не научился произносить её абсолютно верно; затем Учитель велел им вспомнить один из дыхательных комплексов, а сам направился за напитком.

...Напиток оказался тепловатым и терпким. Выпив его, Май ощутил странную лёгкость в теле и небольшое головокружение.

Студенты вместе с Эол Саном встали в круг и взялись за руки. Энергетическая цепь замкнулась, и они начали все вместе петь мантру, выученную только что. Май ощутил, как его тело нагрелось и стало слабо покалывать, лёгкая пульсация, должно быть, пульсация крови – прокатывалась по кругу по часовой стрелке. Прислушиваясь к тому, как мантра отдаётся в его теле, Май чувствовал вибрацию, прошивающую насквозь и уходящую в пол. Учитель велел им всем закрыть глаза и сосредоточиться на ладонях и ступнях.

Скоро Май оказался в гулком, вибрирующем пространстве. Стены аудитории словно растаяли, и вокруг легла беспредельная пустота.

Тело почти не ощущалось – было только дыхание, вибрация мантры, горячие толчки энергии в кистях и ступнях. Очень чётко осознавался позвоночник, по которому тугим насосом дыхание двигалось вверх-вниз. Потом Май почувствовал, что позвоночник словно прошил световой столб, входящий через макушку и сквозь пол уходящий вниз. Голоса его друзей и Эол Сана слились воедино; у него возникло ощущение, словно он непостижимым для понимания образом срастается через руки со своими соседями справа и слева. Они стали единым целым. Май слышал голоса, поющие мантру – и эти голоса звучали уже будто бы внутри него самого; световой столб вдруг расширился и разошёлся в стороны, охватив всю их группу; они стали как бы внешней стенкой, круговым разрезом этого широкого столба, снизу и сверху уходящего в бесконечность...

– Открываем глаза, – услышали они голос Эол Сана.

Май увидел, что они находятся как бы в густом молочном тумане. Опора под ногами ощущалась, но её не было видно.

– Расцепите руки, – сказал Учитель живописи.

Дан вдруг пошатнулся и слабо охнул.

– В чём дело, Дан? – спросил его Эол Сан.

– У меня голова кружится. И подташнивает...

Май поглядел на Дана. Тот был бледен, как от сильного озноба.

– Ты не привёл своё тело в соответствие с вибрациями Плана, – услышали они объяснение. – Кто-нибудь ещё чувствует себя плохо?

Но больше никто не стал жаловаться.

– Спой мантру ещё несколько раз, – посоветовал Учитель Дану. – Потерпи немного, скоро ты придёшь в норму.

Юноша кивнул и снова запел древний санскритский текст. Через несколько минут ему действительно стало легче.

– Смотрите! – воскликнул Май, указывая вверх. Все подняли головы и увидели, как из молочного тумана образуются голубоватые перистые облака. Подул лёгкий ветер, и облака потянулись в одну сторону. Эол Сан улыбнулся:

– Дан, я понимаю, что тебе полегчало, но побереги свою мыслительную энергию.

– Но я ничего не делал! – растерялся тот.

– Я же говорил, что материя Астрального Плана очень пластична. Любые твои мысли и чувства моментально воплощаются в мыслеобразы.

Вдруг дунул сильный порыв ветра, облака сгустились во мгновение потемневшие тучи, и из них полился мелкий нудный дождь.

– Айк, это ты? – нахмурился Эол Сан.

А над удивлёнными студентами тут же сами собой возникли и раскрылись купола зонтов.

– А ну прекратите! – рассердился Учитель живописи, – вы что – развлекаться на этот План выбрались?

Тучи, зонты, дождь – всё исчезло.

– Опустошите свои головы! Иначе вам не хватит сил для сегодняшнего урока. Мы пробудем здесь не так долго, так что шутками заниматься некогда.

Май изо всех сил старался ни о чём не думать, но его воображение захватило возможности Астрального Плана. В пространстве одна за другой стали вспыхивать мгновенно меняющиеся конструкции – обрывки пейзажей, фантастические здания, потом как-то сами собой начали возникать гигантские снежинки...

– Май! – Эол Сан с трудом сдерживал раздражение. – Если тебе не терпится попробовать свои возможности – начинай первым! Но помни – ты должен создать не абы что, а картину заката! Причём реального заката во временных единицах Земли. Начинай!

Май зажмурился от волнения. Ему захотелось создать закат фантастической красоты! И он представил себе это: розовеющее вечернее небо, плывущие по нему пышные кучевые облака, в которых постоянно меняются многочисленные переливы цвета; и пламенный шар Солнца, катящегося к западу... А когда он открыл глаза, то увидел всё это наяву... воображение сразу же дорисовало недостающие детали, и волшебная материя Плана тотчас же послушно исполнила их. Тепло. Очень тепло. Лето. В воздухе запахло неведомыми цветами. Солнце немного постояло и медленно... нет, не так – ещё медленней – начало катиться к горизонту. Удлинились тени,

откуда-то прилетел и дохнул в лицо одинокий порыв ветра.

Все студенты стояли и заворожённо смотрели на эту картину, рождающуюся прямо на их глазах.

– Лео, – негромко сказал Эол Сан, – а стихотворение об этом пейзаже напишешь ты.

– Хорошо, Учитель... – Лео помолчал, а потом сказал: – Оно у меня уже родилось...

*Таял тонкий аромат –
Словно распустился вереск.
Солнце падало в закат
Огненною птицей Феникс.*

*Вечер – крыл фламинго взмах
В небе акварельной глади.
Вились в облачных кудрях
Фиолетовые пряди.*

*И в последних бликах дня
Прогуляться до рассвета
Звал настойчиво меня
Ангел Северного ветра...*

– Отлично! – одобрил Учитель живописи. – Вы прекрасно поработали оба! Лео, а теперь твоя очередь создавать картину. Только для разнообразия пусть это будет картина зимнего заката.

– А мы не замёрзнем? – обеспокоено спросил Дан.

– Пусть уж Лео заодно позаботится и об этом, – усмехнулся Эол Сан. – Дан, приготовься. Стихи к этому пейзажу будешь писать ты.

– Да, но я не умею создавать стихи в уме, как Лео, – признался юноша. – Мне нужны ручка и блокнот.

– Зачем они тебе? – с иронией спросил Айк. – Ты ведь на Астральном плане! Создай себе монитор и клавиатуру с мышкой.

– Я плохо представляю себе внутреннее устройство компьютера...

– Дан, ты безнадежен, – вздохнул Айк. – Ну, на вот тебе...

Из ничего возник старинный письменный стол, обширная тетрадь

в сафьяновой обложке и чернильница с гусиным пером.

– Пойдёт? – подмигнул Айк.

Студенты засмеялись, а Дан покраснел и отвернулся.

– Вернёмся к заданию! – Эол Сан хлопнул в ладони, и стол со всеми принадлежностями исчез. – Лео, начинай.

Май ожидал, что при создании зимнего пейзажа друг оденет их в тёплые куртки и на головы натянет шапки. Однако через мгновение они оказались в большой светлой комнате, очень тёплой, перед гигантским окном, за которым расстился зимний городской пейзаж. Он весь был выполнен в розовых тонах заходящего Солнца. Длинные косые лучи заливали сугробы, превращая засыпанные снегом пространства в огромные розовые паласы, вспышками отражаясь в окнах домов. Тёмно-синий, розовый и белый цвета преобладали в этой картине. Пейзаж был абсолютно достоверным, казалось, его можно было потрогать рукой.

Занятые созерцанием картины, созданной воображением Лео, студенты и Эол Сан временно забыли про Дана. И очнулись, только когда он, кашлянув, сказал негромко:

– Учитель, я написал стихотворение.

Все обернулись к нему. Дан держал в руках открытый блокнот в синей обложке и металлическую авторучку.

– Bravo, Дан! – воскликнул Айк.

– Читай, – разрешил Эол Сан.

Смущаясь, Дан прочёл только что созданное им стихотворение:

Розовый кот.

*Под вечер
из облачно-синих ворот
На улицу выбрался
розовый кот.
И, может быть,
жаждой томимый –
как знать? –*

*Он снег свежевыпавший
начал лизать.
По рыхлым сугробам,
забавно-велик,
Скользил его розовый
длинный язык.
Зевнул, потянулся котяра;
потом
Пошёл перепрыгивать
с дома на дом.
И скрылся
на лапах бесшумных
в дали,
Пушистым хвостом
не касаясь земли.
. . . Вот так целый вечер
в оконный квадрат
Смотрел я на розовый
зимний закат.*

– Браво, Дан! – вслед за Айком повторил Эол Сан, и студенты зааплодировали, смутив автора донэльзя.

– Я и не предполагал, что мой закат настолько красив, – сказал Лео. – Спасибо, Дан. Слова бы переписать...

– Да, этот блокнот на свой План мы не пронесём, – заметил Айк.

– Стихотворение я запомнил, – возразил Дан.

– Твоя очередь создавать пейзаж, – предложил ему Учитель.

И вновь, точно стёртый губкой, исчез зимний пейзаж Лео. Дан сосредоточился. Стало душно. Низко нависли серые тучи, а вдали, у горизонта, зажглась малиновая полоска заката. Солнца почти не было видно; только алая, вытянутая в длину полоса горела невысоко над землёй. Было уже довольно темно. Студенты обнаружили себя стоящими на высоком балконе, с которого и смотрели на закат. Видимо, собирался дождь, или уже шёл в отдалении – на небе

вспыхивали изредка и тут же гасли зарницы...

– Кир, – мягко предложил Эол Сан, обращаясь к самому молчаливому студенту группы «Гамма», – давай, попробуй написать стихотворение.

– Если понадобится – Дан сообразит тебе блокнот, – преувеличенно заботливо сказал Айк.

Кир пристально поглядел ему в глаза. Он, видимо, хотел сказать что-то резкое, но сдержался, однако взор его был столь убийственным, что Айк поспешно отвернулся.

– Попробуй, Кир, – повторил Эол Сан.

И Кир размеренно и сухо прочёл:

*Серые кляксы туч
Над промокашкой заката.
Дальней зарницы луч –
Мгла им на миг распята.*

*Душная будет ночь...
Глушат в подъезде водку.
И не напоит дождь
Земли иссохшую глотку.*

Кир умолк, и все тоже молчали.

– Э-э-э... насчёт водки – может, ты это зря? – неуверенно спросил Дан. – Откуда ты про неё взял?

– Из прошлых воплощений, – ехидно объяснил Айк, и у Мая снова знакомо зачесались кулаки.

Над головой громыхнул громовой раскат, низко ударила молния. Все пригнулись.

– А ну прекратите! – крикнул Эол Сан, взмахнул рукой – и закат, нарисованный Даном и озвученный Киром, бесследно исчез вслед за остальными. Глаза Учителя сверкали от негодования:

– Вы что творите?! – бушевал он. – Маги недорожденные! Вы на этот План выбрались заниматься творчеством или устраивать астральные поединки для сведения счётов? Ещё одна подобная выходка – и я сам буду настаивать на отчислении из Академии самых

агрессивных! Май! Ты хорошо меня слышишь?

– Простите, Учитель, – опустил тот глаза.

– Айк, а тебя кто тянул за язык? – обрушился Эол Сан на другого студента. – Что, самый остроумный? Образы, рождаемые в стихах – личное дело каждого! Кир абсолютно точно передал настроение вечера, нарисованного Даном.

– Спасибо, Учитель, – проговорил Кир, – но меня не задели слова Айка, не волнуйтесь.

– Хорошо, – остыл Эол Сан. – Продолжим урок – и больше никаких ментально-астральных игр! Иначе вас никогда больше не допустят к работе в таких слоях Астрала. Кир! Создавай свой пейзаж!

Кир кивнул, и из пустоты возникла лаконичная и гениальная по своей простоте картина: солнце уже скрылось за горизонтом, но его последние лучи окрасили одинокое перистое облако на чистом небосклоне. Оно сверкало отражённым светом заката, постепенно изменяя окраску, пока солнце не село совсем низко и лучи его не погасли. Вокруг незаметно начало темнеть.

– Прекрасный закат, Кир, – одобрил Эол Сан. – Май! Айк! Кто из вас напишет стихотворение?

– Разрешите мне? – осведомился Айк. Ему хотелось реабилитироваться в глазах Эол Сана и примириться с Киром.

– Давай.

И Айк прочёл:

Жар-птица.

Из стран чужеземных, заморских,

домой,

На запад –

летела Жар-птица весной.

Когда же

над городом нашим была –

Случайно потряхнула перо из крыла.

И в небе,

покуда не стало темно –

Сиренево-алым

горело оно.

– Здрóрово! – восхитился Кир и пожал руку приятелю.

– Это у тебя классный закат получился, – скромно сказал Айк.

– Ну, Айк, – заговорил Эол Сан, – остался твой пейзаж. Ты его напишешь, а Май озвучит в стихах.

По глазам лидера группы было видно, что ему не очень-то хочется работать в паре с Маем, но он не стал возражать.

...Он создал закат над рекой, быстро бегущей; пороги камней на повороте. Сосновый лес вдалеке, ивы, склонившиеся к воде; грозовые тучи и тёмно-багряный диск солнца на их фоне. Близость дождя чувствовалась резче, чем на картине Дана. В воздухе уже пахло сыростью и приближающейся к ночи грозой. Май неожиданно почувствовал в себе гармонию с этой картиной; она очень точно соответствовала его настроению в эти минуты. Слова пришли сами собой, и он прочитал, не дожидаясь предложения Эол Сана:

Вод на пороге ропот.

Грозно шумящий лес.

Грома военный грохот.

Серая сталь небес.

Чёрной стрелой суровой

Птица мелькнёт, быстра.

Низкий закат багровый –

Отблесками костра.

Стонут ракиты, словно

Бредят в тяжёлом сне.

Это тревога снова

В сердце вселилась мне.

Айк удовлетворённо улыбнулся:

– Неплохо, Май! – и всё-таки нотку снисходительности можно было заметить в его интонации.

– Неплохо поработали вы все, – сказал Учитель живописи, – осо-

бенно неплохо – для первой работы в таких тонких слоях. Но всем вам совершенно необходимо учиться контролировать свой ум, эмоции, волю. Я поговорю об этом с Мастером Шао Чхо... Ну, а как вам самим-то здесь? Понравилось?

Студенты шумно выразили своё восхищение и надежду скоро продолжить такие уроки.

– Ну что ж... – мановением руки Эол Сан стёр закат, созданный воображением Айка. – Тогда нам пора возвращаться. Надеюсь, мантру никто не забыл?..

7. УРОКИ ВОДЫ

Студенты, тяжело дыша, взбирались в горы. Сегодня их было много – в нынешнем занятии по медитации принимала участие не только группа «Гамма» в полном составе, но и другие группы; всего их было человек тридцать.

– Ну вот, – ворчал Аик, споткнувшись. – Или торчи в зале и тарасься на пирамиду, или лезь на скалы, как горный козёл...

Кир протянул ему руку. Но Аик, усевшись на тропе, добавил:

– И где же во всём этом «золотая середина»?

– Вставай, – буркнул Кир. – Ты не познаешь её, не познав прежде крайностей...

Аик опёрся о руку приятеля, и, встав, двинулся дальше – вслед за маячившими впереди Шао Чхо и Эол Саном, пожелавшим сегодня тоже участвовать в этом путешествии в горы.

Они поднимались в ущелье Горного Дракона, к водопаду, шум которого был уже слышен. Тропа была не очень крутой, но извилистой, часто петляла, огибая крутые валуны, – и была она узкой – такой, что бóльшую её часть пришлось преодолевать, растянувшись цепочкой по одному человеку. Аик сразу же вырвался вперёд, встав в «голове» цепочки, но скоро устал, часто спотыкался и падал, стесав локти и колени. Однако, чертыхаясь вполголоса, шёл первым из студентов, никому не давая себя обогнать. Белые одежды Шао Чхо мелькнули впереди и скрылись в расщелине. Добравшись туда

и пройдя сквозь неё, Айк и не отстававший от него Кир поняли, что достигли цели своего маршрута.

Прямо за расщелиной лежала широкая, изогнутая полукругом площадка, вернее, даже три каменных площадки, идущих уступами. А прямо впереди, оглушая своим шумом, сверху водопадом свергалась горная река: она делилась на несколько потоков – быстрая, холодная, сверкающая. Водяные брызги достигали площадки, окропляя её мелкой мокрой пылью.

– Проходите подалее! – громко велел Мастер медитации. – А я посмотрю – как там остальные, – и Шао Чхо скрылся в расщелине.

Кир и Айк спустились на «вторую ступень» природной террасы, ближе подойдя к водопаду. Площадка постепенно заполнялась студентами. Когда, наконец, все собрались, Шао Чхо велел принять сидячее положение, устроиться кому как удобнее и приступить к медитации на водопад. Пояснения он давал, в основном, жестами, ибо его не было бы слышно из-за шума воды. Впрочем, всё необходимое было оговорено ещё до начала восхождения. Студенты разместились где кому понравилось, на верхних или нижних «ступенях террасы», рассевшись на предусмотрительно захваченных с собой ковриках. Сидеть на нижних ступенях желающих нашлось немного – там брызги и водяная пыль донимали сильней.

Шао Чхо подошёл к Лео и сказал ему в самое ухо:

– Лео, вспомни свои ощущения, когда ты медитировал, глядя на огонь или обнимая дерево. Закрой глаза и попробуй вернуться в то же состояние. Оно тебе уже знакомо – вспомни его. А потом открой глаза и постарайся постичь природу Воды...

После этого он покинул Лео и отошёл к Эол Сану, который стал что-то спрашивать у него.

Камни вокруг были окаймлены мхом. Редкий кустарник пробивался сквозь трещины в скалах. Далеко внизу – там, куда падала вода, синели сосны. Лео закрыл глаза и отрешился от окружающего. Он постарался забыть о том, что неподалёку от него находятся ещё три десятка человек. Впрочем, шум водопада скрадывал все звуки, подавлял их, и потому зафиксировать на нём внимание было

несложно. Как всегда, юноша начал с расслабления и дыхания. Когда оно после нескольких дыхательных циклов стало ровным и глубоким, лёгкие движения диафрагмы почти перестали ощущаться. Лео опустил дыхание ещё ниже. Тёплая пустота постепенно заполнила живот, лёгкие, а потом и всё тело до самой макушки; пронизала собой каждую клеточку до всех отдалённых участков, расслабляя и растворяя в себе любое напряжение.

Шум воды... Лео погрузился в него. У него возникло чувство, похожее на то, как если бы ему в каждое ухо вставили по воронке с узкими горловинами, уходящими внутрь головы. Звуки вливались в обе эти воронки одновременно, и там, посередине, сливались в один поток. Он медленно наполнил тело, словно заменив собой внутреннюю пустоту. Поток был внутри, и он же был снаружи. Лео растворился в шуме реки, он сам стал рекой.... Он осторожно открыл глаза, стараясь не потерять своего состояния, но и не думая об этом. Его сознание свободно утекало вместе с водой. Река уносила, убегала. Можно было зафиксировать взгляд на какой-либо точке водопада – но ни одну секунду вода в ней не оставалась прежней. Мгновение – и тот поток, на котором останавливался взгляд, оказывался далеко. Река текла и текла, каждый миг обновляясь заново.

Куда же она текла? Вниз. Вода всегда течёт вниз – и здесь, возле водопада, это было очевидней, чем где бы то ни было. Потому что такова её природа – **стекать вниз**.

Вода не противится своей природе. Она мягка и податлива. Она останавливается, если возникает препятствие – и течёт снова, если препятствие пропадает. Вода заполняет любой сосуд и покорно принимает его форму – но и приняв любую форму, она остаётся собой. Она ударяется о камни и шлифует их, стирая твёрдые грани, делая их округлыми. Что может сравниться с водой по мягкости – и что может сравниться с ней по силе? И разве сама её сила не заключена в мягкости, в следовании её собственной природе?

Блаженство заполнило душу Лео, когда он понял всё это – и юноша послал мысленные слова благодарности энергии Воды, открыв-

шей ему это знание...

...Айку скоро надоело сидеть на твёрдых камнях. Он измучился, хотя нашёл относительно ровный участок. Шум водопада и брызги, долетавшие до лица, раздражали его. Он открыл глаза. С любопытством взглянул на сидящего неподалёку Кира, напряжённо съёжившегося, но неподвижного; на Дана, давно уже переставшего медитировать и только делающего вид. Мая он не увидел за спинами других, зато Лео ему было видно хорошо. Толкнув Дана, он сказал, приставив руки рупором к его уху: – Гляди: наш Лео уже в нирване!

Дан захихикал и, толкнув Кира, в свою очередь указал ему на вечного соперника Айка. Кир открыл глаза, недоумённо взглянул на Дана, потом на Лео и принялся растирать онемевшие ноги. Шао Чхо между тем дал студентам команду заканчивать медитацию – впрочем, большинство закончили её уже и сами и только сидели, любясь водопадом. Теперь они начали подниматься и сворачивать коврики. Некоторые подошли к выходу из ущелья, делясь друг с другом впечатлениями. Мастер медитации попросил Эол Сана возглавить спуск, сказав, что сам он будет замыкать цепочку – и подошёл к Лео, который сидел, вновь закрыв глаза, с безмятежным выражением на лице. Он мягко положил руку ему на плечо, и юноша, едва заметно вздрогнув, разомкнул веки. – Заканчивай, Лео, – прочитал он по губам Мастера. – Мы возвращаемся.

Покинув ущелье и немного спустившись, Шао Чхо сказал:

– Лео, скоро у вас будет практика на несколько месяцев. Вам предстоит распределение, а перед ним группы часто расформируются. К какому из Небесных Мастеров ты хотел бы попасть?

Помедлив, юноша ответил:

– Мне всё равно, Учитель. Я уверен, что у любого из Мастеров смогу почерпнуть что-то полезное для себя.

– Да, – улыбнулся Шао Чхо, – я вижу, этот урок Воды ты усвоил...

8. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Четвёртый курс окончился. Позади остались горячие дни подго-

товки, зачётов, экзаменов. Теперь студентов ждала практика – перед пятым курсом они должны были поработать с кем-то из практикующих Небесных Художников, принять участие в настоящей работе по созданию природных пейзажей – дабы лучше постичь тонкости этой профессии. Студенты ждали распределения – к кому из художников направят каждого из них?

...Айка результаты распределения, вывешенные на доске объявлений, сначала повергли в ступор, а потом привели в бешенство. Он ни секунды не сомневался, что его, как одного из лучших студентов, направят на практику к кому-нибудь из самых знаменитых Небесных Мастеров. А реальность оказалась таковой: их группу разделили. Лео направили на практику к Эрлу Тао, а их четверых – его, Кира, Дана и Мая – к некоему Шэр Янгу, который не был не только знаменитым, но даже и известным – скорее всего, так, художник средней руки, они о таком даже не слышали. А уж всех известных художников любой студент Академии знал наперечёт.

– Нет, ну как вам это нравится?! – бушевал Айка. – Я сейчас пойду к Лун Талу и разберусь – почему это я должен практиковаться у какого-то бездаря, которому не хватило таланта даже на то, чтобы добиться хоть какой-нибудь известности?

– Ну да, - ядовито поддержал его Кир, – походи к Лун Талу и попроси, чтобы тебя вместе с Лео направили на практику к Эрлу Тао... ты же всегда так тепло о нём отзывался!

– А у нас что – нет Мастеров, лучших, чем Эрл Тао? – вскипел Айка.

– К лучшим послали лучших, – так же язвительно объяснил Кир. – А тебя послали к Шэр Янгу.

– Как и тебя!

– А я себя лучшим и не считаю.

В этот момент Май был готов пожать Киру руку, хотя себя он тоже чувствовал уязвлённым. Но удовлетворение от того, что выпендрила Айка наконец-то получил по заслугам, было в нём превыше этой уязвлённости. Потому он немедленно встал на защиту Мастера, к которому их всех распределили, хотя не видел ещё ни одной его картины. Пожав плечами, Май сказал Айку:

– Как ты можешь судить о художнике, не увидев ни единой его картины? Ах, да – тебе важнее известность!

– Сейчас – да! – взвинченно подтвердил Айк. – И не прикидывайся, что ты сам этого не понимаешь. От этой практики очень многое будет зависеть в будущем!

– Эрл Тао – один из самых знаменитых художников. Однако я что-то не помню, чтобы ты был от него в восторге.

Между тем студенты группы «Гамма» находились в коридоре вовсе не в одиночестве. Неподалёку, с обеих сторон от них, стояли группками другие учащиеся Академии и с любопытством прислушивались к воплям Айка. Взбешённый словами Мая, тот не сразу нашёлся, что сказать – и тут увидел направляющегося к ним Лео.

– Конечно, – громко заявил Айк, – я ведь далеко не так расчётлив, как наш друг Лео. Мне надо было поступить так же: заранее нацелиться к какому-нибудь Мастеру, раструбить всем про своё восхищение им, – глядишь – и я бы сейчас попал к нему на практику. Чуть-чуть подхалимажа – и ты у цели!

И тут Май не выдержал. Он с разворота врезал Айку кулаком в скулу. Тот отлетел и свалился в объятия Дана. Впрочем, секундой спустя он пришёл в себя. – Ах ты... – он грязно выругался, рванувшись, но Дан и Кир, ухватив за руки и плечи, удержали его.

Лео подскочил было к Маю, но увидел, что тот стоит неподвижно, медленно разжимая кулаки, и только тяжёлым взглядом смотрит на Айка. Весь его гнев ушёл в этот один-единственный удар; гнев, который давно копился в нём.

А к ним между тем подбежали другие студенты Академии, намереваясь пресечь драку – но увидели, что драка, по-видимому, не состоится: Дан и Кир надёжно удерживали изрыгающего проклятия приятеля, а Май не собирался бросаться на него ещё раз.

Раздвинув толпу, внутрь её вошёл Лун Тал. Увидев его, Айк сразу стих. Приятели отпустили его, и он схватился рукой за скулу. Лун Тал смерил обоих – Мая и Айка – суровым взглядом и приказал:

– Оба ко мне в кабинет. Живо!

Едва они оказались в кабинете, Директор Академии требователь-

но спросил:

– Что всё это значит? Что между вами произошло?

Но они оба молчали. Май, пожалуй, легко мог бы оправдаться, повторив слова Айка, но ему противно было их повторять. Понятное дело, не хотелось их повторять и Айку.

– Будем молчать? – сурово поинтересовался Лун Тал. – Значит, как драку устраивать и сотрясать стены Академии громовыми ругательствами – это вы можете. А как за свои проступки отвечать – так слов не дождёшься? Ну ладно, – и, повернувшись, он вышел.

Соперники не обмолвились ни словом, пока Директор отсутствовал. Май безучастно смотрел в окно. Ему было всё равно: выплеснувшийся наружу гнев вернул ему спокойствие.

Лун Тал вернулся довольно скоро. Глаза его, казалось, метали искры, как от электросварки.

– Май, вы можете идти, – сразу же сказал он и, подойдя к своему столу, хлопнул по нему ладонью: – А вы, Аик, останьтесь!

Май пожал плечами и отправился в общежитие, в свою комнату. Там был Лео, собиравший вещи перед отъездом на практику. Взглянув на приятеля, Лео тревожно спросил:

– Ну, что там у вас?

– Не знаю. Меня Лун Тал отпустил, Айку велел остаться, – Май плюхнулся на свою кровать. Застёгивая «молнию» на чемодане, Лео вздохнул:

– Я не успел тебя остановить.

– А зачем бы ты меня останавливал? Этот хам давно уже напрашивался!

Выпрямившись, Лео пристально посмотрел ему в глаза:

– Не надо так бросаться словами, Май!

– А кому можно бросаться словами? Ему можно? – юноша даже приподнялся со своей кровати. – Значит, надо было позволить ему оскорблять тебя?

– С чего ты взял, что я был оскорблён? Ты помнишь слова Айка? Разве в них есть хоть крупница правды?

– Конечно, нет!

– Ты это знаешь, и я это знаю. Кир и Дан – тоже. Скорей всего, и Айк в них не очень-то верил: он придумал их за секунду до того, как сказать, повинуюсь минутному раздражению. Он сказал чушь, согласен, – ну так кто же обижается на чушь?

– Я обижаюсь!

– Ну и глупо.

– Я не потерплю, чтобы задевали моих друзей!

– Повторяю – я не был ни задет, ни оскорблён.

– Да брось ты! – раздосадованно махнул рукой Май и навзничь повалился на постель, заложив ногу за ногу. – Я проучил его – и несколько об этом не жалею. Может, в следующий раз подумает, прежде чем рот разевать.

– Но и ты в следующий раз хорошо подумай, прежде чем пускать в ход кулаки.

– Ладно! – Май улыбнулся, протянул приятелю правую руку, согнутую в кулак, и Лео несильно толкнул его кулак своим, улыбнувшись в ответ.

– Кстати, – заметил Лео, – я не понимаю: что так раздосадовало Айка в списке распределения? Я видел картины Мастера Шэр Янга. Близкие друзья называют его «Маэстро дождя». Красота его картин очевидна любому, кто хоть сколько-нибудь смыслит в живописи.

– «Красота картин!» – повторил Май. – Ты правда настолько наивен или притворяешься? Да Айк плевать хотел на любые достоинства картин – его интересует только известность художника!

– Да нет, тут ты неправ, – задумчиво проговорил Лео, – на красоту картин Айку никогда не было плевать. Просто понимать эту красоту можно по-разному. И то, что он не смог разглядеть её на полотнах Эрла Тао – достойно сожаления... Ну ладно. Мне нужно ещё попрощаться с Мастером Шао Чхо.

...Лео осторожно приоткрыл дверь зала для медитации. В полумраке он увидел Мастера, сидящего на татами в Совершенной позе, погружённого в глубокое созерцание. Юноша заколебался. Ему не хотелось нарушать медитацию наставника, но всё же он не мог

уехать, не попрощавшись. Он неслышно приблизился, но едва хотел окликнуть Шао Чхо, как тот сам открыл глаза и улыбнулся:

– Здравствуй, Лео.

– Здравствуйте, Мастер, – юноша низко склонился и коснулся пола ладонью, – но вообще-то я пришёл попрощаться с вами... И поблагодарить вас за всё, что вы для меня сделали.

– Но что же я для тебя сделал, мой мальчик? Я только слегка подтолкнул тебя в нужном направлении.

– Вот за этот «толчок» я и благодарен вам... Без него я ещё долго мог бы скитаться в лабиринте, натываясь на стены и не видя верной дороги...

– Свой путь ты пройдёшь сам. И помни о том фонаре, который поможет тебе осветить дорогу, рассеять мглу перед глазами. Фонарь этот – твой бессмертный дух. Внимательнее прислушивайся к себе – ибо ты уже обладаешь всем, что тебе необходимо. И ещё – не забывай о тех уроках, которые ты получил, общаясь с Природой.

– Я буду скучать по вашим занятиям, Мастер...

– Не стбит. Желаю тебе успеха у Эрла Тао...

9. МАЭСТРО ДОЖДЯ

Шэр Янг выбрал нужную программу, и, пока принтер делал распечатку, с нетерпением и растущим волнением ждал результата. Когда тот был готов, художник поймал себя на этом волнении и как-то отстранённо удивился, что переживает, как новичок – и это после стольких-то лет работы! Тем не менее, сердце его не перестало усиленно стучать, пока он извлекал из принтера отпечатанный лист. Точно бросаясь с разбега в прорубь, художник жадно охватил его взглядом весь сразу. И тотчас же испытал горькое разочарование. Самые дурные его опасения подтвердились. «Ну, а ты чего ждал?» – насмешливо спросил внутренний голос. – «Пора уже избавиться от юношеской наивности. Ты ведь заранее знал результат, верно?»

Досада не отступала. Он снова нажал на несколько клавишей нервными движениями пальцев, хотя голос внутри советовал ему этого

не делать. Спустя минуту он извлёк из принтера очередную распечатку и принялся изучать её с растущим раздражением. У него было такое чувство, что кто-то очень хотел сделать ему назло. «Нет, я этого так не оставлю!» – и он, поддавшись мгновенному порыву, решил сейчас же отправиться в Центр и всё выяснить.

Однако, чтобы отправиться в Центр, надлежало перейти на другой План. Через десять минут безуспешной медитации художник понял, что охватившее его раздражение мешает ему сконцентрироваться. Тогда он взял себя в руки, отложил на время отвлекающие эмоции, втянул восприятие вовнутрь и «настроился» на то место, куда намеревался попасть.

Наконец сосредоточенная мантра вынесла его прямо к Центру управления Погодой. Это была громада, которую невозможно окинуть взглядом за раз – впрочем, Шэр Янг в этом и не нуждался, он уже стоял у нужного подъезда, и красоты здания и окрестностей абсолютно его не занимали. Несмотря на сконцентрированное усилие воли, Переход дался ему не так легко – внутреннее волнение дало о себе знать головокружением и слабостью во всём теле, и художник вынужден был присесть ненадолго на скульптурный куб из тёплого камня неподалёку от входа. Однако временная слабость не поколебала в нём решимости, через несколько минут он твёрдо вошёл в седьмой подъезд Центра и вызвал по электронному табло оператора. Спустя мгновение тот высветился на экране – юноша приятной наружности, к счастью, знакомый Шэр Янгу.

– Здравствуйте, Мастер, – вежливо склонив голову, приветствовал его тот, – у вас ко мне какое-то дело?

– Да, Вик, здравствуйте. Извините, если побеспокоил, – чуть сбивчиво отозвался художник.

– Дело очень срочное? – осведомился оператор, отвернувшись влево, к дисплею, с которого считывал информацию.

– Да, – твёрдо заявил Шэр Янг.

– Хорошо, – юноша быстро нажал несколько клавиш, снова обернулся к художнику, – я сейчас спущусь к вам, Мастер, но, к сожалению, вынужден предупредить, что у меня не очень много времени.

Минутой спустя Вик появился в холле Центра – высокий, подтянутый, аккуратный, в серебристо-чёрной форме оператора – и вежливо пригласил Шэр Янга присесть в одно из мягких кресел, стоявших неподалёку от окна.

– Что привело вас ко мне? – спросил он.

Художник молча подал ему распечатку, извлечённую из своего принтера. Вик взял её и, пробежав глазами, повторил:

– Ну, так что же?

Шэр Янг ощутил закипающий в себе гнев.

– Во-первых, – отрывисто сказал он, – я хотел бы знать – почему опять по распределению мне достался ноябрь? В прошлом году мне определённо пообещали, что я буду работать над сентябрём-октябрём! Что – ноябрь закрепили за мной на веки вечные?

– Но этот вопрос – не ко мне, – невозмутимо заметил Вик. – Распределение работы по месяцам для художников – не в моём ведомстве. Обратитесь в Директорат Центра.

Шэр Янг знал, что данное распределение совсем не в компетенции оператора, просто рвущееся из него раздражение заставило его сорваться буквально на первом попавшемся работнике Центра.

– Ну ладно, – сказал он, – это я так, к слову. На самом деле я – по поводу распечатки планируемого прогноза климата. Уж это-то в вашей компетенции?

– Да, конечно, – кивнул Вик. – Климатическую карту ноября в этой точке Земли составлял я.

– Я внимательно просмотрел её, – художник с трудом сдерживал раздражение, – и просто не в состоянии понять – как можно так планировать погоду? Из тридцати дней ясных – только шесть! Двадцать четыре дня – пасмурно, дождь, дождь со снегом! Я просмотрел распечатки за сентябрь и октябрь. В сентябре – восемнадцать дней «ясно». В октябре – двенадцать! За всё лето – я посчитал – будет только двадцать дождливых дней! За сентябрь и октябрь вместе – восемнадцать! А у меня в ноябре дождь – двадцать один день! Кто так планирует погоду, Вик? Вы что – решили слить все дожди ко мне в ноябрь? Мне уже осточертело рисовать который год подряд

одни пасмурные пейзажи!

Вик словно не заметил гнева своего собеседника. Его было очень трудно вывести из равновесия – о, в операторы кого попало не брали, тут строгий отбор и психологическая подготовка были на высоте. Потому, терпеливо выслушав художника, он спокойно сказал:

– Мастер, ну как вы можете столь узко мыслить? Вы смотрите на проблему с одного бока, и, кроме нарушения собственных интересов, ничего не видите, – голос оператора был безукоризненно вежлив. – Если бы вся работа нашего Центра была посвящена только планированию климата над тем крохотным уголком Земли, который вам поручили украшать своими пейзажами! Но вы ли не знаете – Земля огромна! И так же огромны и трудоёмки задачи, стоящие перед нашим Центром! Составление ежегодной, ежедневной, ежеминутной карты климата над каждой точкой земного шара! Чтобы решать такие задачи – нам неизбежно приходится действовать в ущерб чьим-то интересам, искать и находить компромиссы. Вы художник, я понимаю, вы смотрите на всё с эстетической точки зрения – но при планировании климата нам тут как-то не до украшательства! Вы спрашиваете – почему так мало дождей летом над вашей областью... Да потому, к примеру, что в этот период дожди гораздо более необходимы в других точках Земли, и возникает известный дефицит дождевых масс! Есть множество других причин, касающихся формирования и передвижения воздушных фронтов – мне некогда об этом рассказывать. Повторяю – ваш участок не единственный, я работаю одновременно над сотней подобных ему, и мне приходится учитывать очень много факторов – избыток и недостаток водяных масс, загруженность воздушных коридоров, интенсивность Солнца, направление ветров... а вас беспокоят только проблемы личного плана – пасмурные пейзажи вам, видите ли, надоели. Ну так обратитесь в директорат Центра – пусть вам подберут для работы место с более оптимальным климатом или перенесут ноябрь на август! – Вик поднялся, корректно поклонился: – А сейчас – простите. У меня очень много работы, Мастер.

Шэр Янг тоже поднялся, нервно покусывая нижнюю губу. Вполне

деликатный, но всё-таки – разнос работника Центра заставил его устыдиться. Всё это он знал, но долгая кропотливая работа в одиночестве словно оторвала его от течения жизни, отодвинула в сторону всё, что не имело отношения к нему лично.

– Извините и вы меня, Вик, что отвлѣк вас от дел, – выдавил он.

– Ничего, – улыбнулся тот, – приходите, если будет что-то неясно.

После этого разговора, конечно, и речи быть не могло о том, чтобы идти с жалобами в Директорат – не тот уже был настрой у Шэр Янга. И потом, если рядовой оператор фактически обвинил его в эгоизме – чего тогда ждать от облечѣнных реальной властью?

Хмурый, покинул художник здание Центра. Значит, ничего не изменится. Значит, снова рисовать ему бесконечные пасмурные картины и находить в этом вдохновение. Наверное, данное ему ещё в Академии прозвище «Маэстро дождя» приросло к нему, как неснимаемая маска. Он честно спросил себя: почему так не хочется ему идти в Директорат и выяснить всё до конца? Чего в этом больше – гордости или невыносимой боязни услышать отказ? «Ну и живи дальше с клеймом неудачника!» – беспощадно сказал он себе, хотя слова эти больно обожгли его. Шэр Янг решил возвращаться домой.

...Вернувшись на привычный План, он увидел возле дома четверых молодых людей с вещами и только сейчас вспомнил, что из Академии ему сообщали о группе студентов, которых пришлют к нему на практику. Сей факт совершенно вылетел у него из головы после горечи и разочарования сегодняшнего дня. Увидев студентов, он мысленно застонал – ему было не до них; абсолютно никого не хотелось видеть... Но не мог же он выпроводить их обратно, отказавшись проводить практику? И Шэр Янгу пришлось скрутить и спрятать свою боль, обиду, обратив внимание на студентов. Они стояли неровной группой – трое рядом, один чуть поодаль (это был Айк) и выжидающе смотрели на Мастера.

Они увидели худощавого человека среднего роста, бледного, черноволосого, с трагическим взглядом глубоких тѣмных глаз. В его позе была некоторая настороженность; на лице застыло выражение напряжѣнного ожидания. Он молча смотрел на студентов, пе-

реводя взгляд с одного на другого, и не произносил ни слова. Они были смущены такой встречей и почувствовали себя неуютно. Уж больно неприветливым показался им Мастер, рядом с которым им предстояло провести не один месяц. Но Шэр Янг, в сущности, просто забыл поздороваться, погружённый в невесёлые размышления.

– Здравствуйте, Мастер! – первым решился нарушить тишину, как ни странно, Кир, самый молчаливый студент. – Мы – группа «Гамма» из Художественной Академии.

– Да, я понял, – чуть сбивчиво отозвался художник, – прошу прощения, что не встретил вас. Я только минуту назад вернулся с другого Плана... и ещё не вполне пришёл в себя. Добро пожаловать в мой дом, группа «Гамма».

Он впустил студентов в свой небольшой коттедж, окружённый садом, с мансардой на втором этаже. Студенты с любопытством принялись озиаться.

Шэр Янг был замкнутой и неприятельной натурой, потому он жил один, и обстановка в его доме была близка к спартанской. Когда он узнал о том, что Академия командует к нему четверых студентов для прохождения практики, ему пришлось обзаводиться дополнительной мебелью, иначе гостей просто негде было бы уложить: Шэр Янг терпеть не мог ничего лишнего. Был уже вечер, и потому художник показал студентам, где располагаются столовая, спальня и ванная комната. Потом он попросил их табели и папки с эскизами, пожелал спокойной ночи и ушёл, оставив их одних.

Четверо молодых людей ещё некоторое время послонялись по коттеджу, потом собрались в столовой. Здесь стоял синтезатор пищи, и, изучив выбор блюд, Айк насмешливо заметил:

– Ну, меню под стать обстановке. Похоже, мы попали в дом к аскету. Придётся затягивать пояса потуже.

Кир в свою очередь изучил список блюд и пожал плечами:

– Что ты выпендриваешься, Айк? Без особых изысков, правда, но выбор достаточно широкий.

– Да уж, изысканностью наш Мастер явно не отличается, – снисходительно согласился Айк.

– А ты на практику приехал или в санаторий?

– Не знаю. Судя по обстановке – кажется, в казарму.

– В самом деле, – сказал Дан, – вы обратили внимание: мы нигде ни одной картины не встретили на стене, и это в доме художника!

Май тоже обратил внимание на это, но ему не хотелось вступать в полемику с Айком. Он с ним вообще не разговаривал с той минуты, когда они едва не подрались.

– Ну, ты-то стены своего дома обклеишь собственными картинами так, что сантиметра пустого не останется, – криво усмехнулся Кир.

– А тебе не кажется, – вмешался Айк, – что такая спартанская обстановка говорит о недостатке воображения художника? Ведь ни одной изящной вещицы, ни одной безделушки, за которую можно было бы уцепиться взглядом!

– Окружать себя безделушками – это на любителя, Айк. На мой взгляд, здесь вполне уютно.

– Да уж. Здесь явно поработал дизайнер с фантазией штамповочного станка...

Дан хихикнул, Кир промолчал, и они принялись, наконец, программировать синтезатор пищи.

Шэр Янг в это время просматривал папки со студенческими эскизами, дабы понять – каких людей прислали к нему на практику. Изучив эскизы и табели успеваемости самым внимательным образом, он всё понял. Ему стало предельно ясно – что представляет из себя каждый студент. Эскизы говорили о личностях их создателей так же исчерпывающе, как и страницы дневника. Практиканты и не подозревали об этом – но художник уже хорошо знал каждого из них. Характер, склонности, мечты и амбиции, на что способен и на что не способен каждый – всё было абсолютно прозрачно для Шэр Янга. Он ясно видел, что ни Май, ни Дан ещё не «нашли себя». Оба они находились в поиске – в поиске своего стиля, манеры, индивидуальности – а в сущности, в поиске себя самого. И поиск этот был, к сожалению, пока гораздо более бессознательным, чем осознанным – когда ищущий даже не знает конкретно, чего же он, собственно говоря, ищет? Личность Айка была для него, как раскрытая

ладонь. Самолюбие, яркость, броскость, самоуверенность – всё это художнику было отлично понятно. Если эскизы Мая и Дана выглядели во многом подражательно (он мог бы поимённо перечислить имена Мастеров, повлиявших на их творческую манеру письма) – то Айк был совсем другим. Он стремился к самобытности, оригинальности – что, безусловно, делало ему честь, – но в этой силе таилась и главная слабость Айка. Его картины были слишком рассчитаны на внешний эффект – лишь бы поразить воображение любого, кто будет на них смотреть. Но Шэр Янг, прекрасно знающий сложный механизм реализации подобных творений на Материальном Plane, хорошо видел, насколько они расточительны, и, следовательно, вряд ли Центр Управления Погодой когда-либо утвердит их.

Мастер вздохнул. Трудно будет – и ему с Айком, и Айку с ним. Большой талант, большие амбиции. Он слишком многого хочет сразу. Максималист, а по сути – просто выскочка. И в этом – большая вина Академии. Там почему-то любят делать ставку на таких студентов, как Айк, поощряют их самолюбие – это видно по табелю, а в результате обрекают их на страдание. Кому, как не ему, Шэр Янгу, знать, насколько реальная жизнь и творчество Небесного Художника отличается от того, к чему готовят студента в стенах Академии... Тот мечтает о создании грандиозных полотен, весь трепещет от предвкушения размаха работы – а жизнь вместо этого преподносит ему ежедневную рутину, и беда художнику, если сердце его слишком горячо, а творческий дар – чересчур необъятен, чтобы вписаться в строго очерченные рамки... Да, он предвидел трагедию этого юноши и, к сожалению, именно ему придётся открывать Айку глаза на то, как обстоят дела в действительности. Но, видимо, амбициозность студента вконец допекла и Директора Академии – не случайно Лун Тал именно к нему, Шэр Янгу, направил Айка на практику. Значит, осознаёт необходимость подобного урока...

Но зато его по-настоящему порадовали работы четвёртого студента – Кира. А, проглядывая его табель, он вспыхнул от негодования. Сразу было ясно, что в Академии Кира не оценили. Конечно,

ведь там большинство преподавателей – такие, как Рам Гор, Учитель кристаллографии, – а тот ни в грош не ставит тех, у кого уровень творческого мышления, воображения ниже, чем у Айка. Но рядом с эскизами Кира картины Айка выглядели просто лубочными поделками – кричаще-яркими, но пустыми по сути. Кир был куда ближе к реальности, он не стремился ни к чему запредельному, ошеломляющему, словно тоже знал о словах, которые однажды сказал Шэр Янгу его Учитель живописи: «Помни, Шэр – в неделе шесть дней – будни, и только один день – праздничный».

Да, будни рисовать скучно, и Айк писал каждую картину так, словно у него каждый день был праздничным. Кир же не чурался будней. Он умел находить в них вдохновение, с помощью весьма лаконичных средств добиваясь всякий раз создания нового «настроения» своего пейзажа. Это было очень ценное качество для Небесного Художника; качество, которое трудно приобрести в процессе работы, если оно отсутствует изначально. И, однако, в Художественной Академии, в этой колыбели талантов, дар Кира остался проигнорированным. Может быть, поэтому в самом сердце картин Кира чувствовалось ещё кое-что: сдержанность, недостаточная открытость, идущая, вероятно, от неуверенности в себе.

Да, Шэр Янг видел, что его ждёт большая работа. Он должен сбить спесь с Айка – правда, тот явно неглуп и скоро должен сам понять свои заблуждения. Предстоит также пробудить в Кире веру в себя и в свои способности. Нужно помочь найти себя Маю и Дану... Сейчас художник был несказанно рад тому, что явившиеся на практику студенты отвлекли его от проблем; иначе бы надоевшие мысли вконец заели его, он провёл бы бесконечный вечер, копаясь в себе и обзывая себя законченным неудачником. Нет, он отнюдь не был неудачником, и жизнь его явно имела смысл – раз Художественная Академия доверяла ему подготовку своих студентов.

Он ощутил прилив вдохновения, которое напрочь отсутствовало всего час-полтора назад – прилив вдохновения, похожий на шампанское, пузырящееся в венах... Как мало человеку надо для счастья – всего лишь осознавать свою нужность...

10. ПРЕВЫШЕННЫЙ ЛИМИТ

На следующее утро Шэр Янг, поздоровавшись со студентами в столовой, пригласил их наверх, в мансарду, где располагалась его студия. Сам он обещал подняться туда несколько позже.

– Мне показалось, сегодня он выглядит гораздо приветливей, чем вчера, — заметил Дан, когда художник вышел.

– Да уж, вчера у него был такой вид, словно мы долг пришли из него выколачивать, — кивнул Айк.

– Придержал бы ты язык, — не вытерпел Май. — Всё-таки в чужом доме находишься.

– Засунь свои советы знаешь куда? — процедил Айк.

– Пошли наверх, — буркнул Кир. — Не хватало, чтобы вы снова сцепились. Надоело вас разнимать... — и, выйдя из столовой, он первым направился к лестнице, ведущей в мансарду.

Они вошли в студию и впервые увидели картины Шэр Янга...

Их было много. В рамках и на подрамниках, на стенах и мольбертах. Законченные пейзажи и незавершённые эскизы. Дождь. В основном на них был дождь.

Кир застыл посреди студии как приклеенный. Он не мог тронуться с места и отвести глаза от пейзажей. Это были словно не картины, а окна — окна в другое измерение. Ему казалось, если он протянет руку, она пройдёт сквозь холст, и он извлечёт её обратно мокрой.

Прозрачные струи дождя — то тёплого, то ледяного. Кир отчётливо воспринимал его температуру, слышал его шум. Вот — вспышка молнии. И как её можно было изобразить так достоверно?! Ему казалось, что за секунду до этого он услышал раскат грома в столкнувшихся тучах.

Кир встряхнул головой, обескураженно огляделся. Это было невероятно — картины затагивали вовнутрь, в свою реальность. Он ощутил, как сильно бьётся сердце, и поразился. Ему и в голову не приходило, что такое может с ним случиться. Он всегда был сдержан в проявлении эмоций — и просто не представлял, что чьи-то картины смогут пробудить в нём столь внушительный отклик. Юноша раз-

волновался, потому что вдруг понял: вот «оно». То, чего он искал и никак не мог найти, как ни старался, в полотнах других художников. Что это было? Он и сам не мог объяснить этого, только чувствовал. Сила. Невероятная сила духа. Молчаливый протест против чего-то. Величественный ещё более от того, что он был молчаливым. И ещё что-то таилось в этих удивительных картинах – то горечь одиночества, то вера и гордость одновременно. Каким образом художник всё это сумел зашифровать в своих пейзажах – Кир не понимал. Дождь – бесконечный и безнадежный, как отчаяние. Ветер – ледяной и сокрушительный, как удар судьбы. Город – покорный и вымокший насквозь, но не сдающийся. Всё это было понятно и близко Киру – так же, как, вероятно, и Шэр Янгу...

Художник между тем показался в дверях студии. Он подошёл неслышно, и студенты пока не замечали его. Окинув их взглядом, он мгновенно уловил всё – и жадное внимание Кира, прилипшего глазами к одной из самых любимых его картин, и равнодушную скуку Айка, и нейтральное безразличие двух других студентов. Но он затопил в себе все эмоции и кашлянул. Практиканты обернулись, и лицо Айка мгновенно сменило выражение на вежливый интерес.

– Рассаживайтесь, молодые люди, – предложил им художник. – Кому где понравится.

Он отодвинул к стене пару мольбертов, освобождая середину, и уселся на свой любимый высокий крутящийся стул. Студенты, расставив полукругом другие стулья, расселись напротив него.

Передняя, выходящая на улицу стена мансарды была полностью стеклянной; застеклена была и часть крыши, что создавало прекрасное естественное освещение.

– Я просмотрел папки с вашими эскизами, – начал Шэр Янг, – и вот о чём хотел спросить у вас в первую очередь: вам уже доводилось знакомиться в Академии с таким предметом: «Расчёт основных параметров воздушных ресурсов»?

– Да, – ответил Май, – но мы изучали его очень мало: у нас было только несколько занятий – ну так, азы, основные понятия.

– А с таблицами расчётов вы знакомились – составление исход-

ной схемы, рамки лимитов – и так далее? – настаивал художник.

– Ну, более или менее знакомились, – осторожно сказал Май.

– На пятом курсе вы познакомитесь с этим предметом вплотную, и он станет для вас одним из самых важных. Все свои работы, все свои творения вы должны будете научиться вымерять, добиваясь соответствия с цифрами таблиц.

– Это ещё зачем? – фыркнул Аик.

– Всё очень просто, – спокойно объяснил Шэр Янг. – Будь вы обычными, земными художниками – сей предмет вам бы никогда не понадобился. Но вы – художники Небесные. В своей фантазии вы, конечно, вольны. Но основные погодные условия для создания каждой картины вам будут задаваться из Центра управления погодой. То есть, у вас уже будет определённый лимит ресурсов, который вы не имеете права превысить. Скажем, если в этот день должна быть низкая облачность – вы не можете, рисуя картину для этого дня, произвольно расшвыривать облака по небу в любом количестве: их должно быть столько, чтобы они укладывались в рамки лимита воздушно-капельных масс. И так во всём. Направление ветра, интенсивность солнечного света – все необходимые параметры будут заданы вам заранее в форме цифр, а вы должны научиться работать с этими цифрами – читать их и превращать в облака, дожди, радугу, восходы и закаты...

– Да, нам об этом говорили, – признал Дан, – но с таблицами мы знакомы совсем мало.

– Этим мы и займёмся пока на нашей практике, – кивнул художник. – Многого вы освоить, конечно, не успеете, но я постараюсь научить вас основным приёмам расчёта соответствия между заданными параметрами цифр – и созданием на их основе реальных природных картин...

Шэр Янг поднялся, подошёл к небольшой тумбочке в углу студии, открыл один из ящиков и извлёк из него стопку листов. Их он раздал, разделив поровну, четверым учащимся Академии. Листы оказались теми самыми таблицами.

– Вот вам первое задание, – объявил художник. – Разучить и

запомнить до вечера те разделы, которые я пометил красным. Их сравнительно мало. В идеале же вам лучше всего знать эти разделы наизусть – потому что, чем больше чисел вы запомните, тем проще вам будет оперировать ими, создавая эскизы, иначе придётся поминутно заглядывать в таблицы, сверяясь с ними. К вечеру я составлю климатическую схему на основе выученных вами разделов. По ней вы должны будете написать эскиз, каждый – свой. Задание будет, таким образом, наподобие пробного теста – чему каждый из вас научился к окончанию четвёртого курса Академии, – Шэр Янг помолчал. – Весь мой дом – в вашем распоряжении. Вы можете готовиться, где вам удобней – здесь, в студии, в любой из комнат или в саду. Всё понятно, или есть вопросы?

– Есть, – отозвался Айк, на лице его было кислое выражение. – А таблицы эти зубрить обязательно? Нельзя ли сразу дать нам задание на тему пейзажа?

– Меня интересует, чтобы вы нарисовали не просто пейзаж, – заметил Шэр Янг, пристально сверля его взглядом, но голос оставался негромким, разве что стал более твёрдым, – а создали совершенно определённую картину по совершенно определённым параметрам. И главной задачей будет – уложиться в эти параметры. А чтобы это сделать – вы должны их знать. Я думаю, запомнить пару десятков чисел не составит для вас очень уж большого труда.

Айк больше не решился возражать, других вопросов не было.

... – Вот ещё новость! – прошипел Айк, когда Шэр Янг скрылся. – Из нас тут художников будут готовить или математиков?

– Тебе же сказали – нам всё равно это придётся изучать на пятом курсе! – с досадой отозвался Кир. – Чуть раньше, чуть позже – какая разница?

– Можно подумать – зубрёжка цифр способна добавить хоть сколько-то умения, – криво усмехнулся лидер группы «Гамма».

Май встревоженно взглянул на Кира, но тот промолчал. И было непонятно – задел ли его этот выпад Айка, или же он пропустил его мимо ушей.

– Май, пойдём в сад спустимся? – предложил ему Дан. Он со-

гласился. Они взяли свои таблицы и вышли из студии.

– Здесь останешься зубрить? – снисходительно осведомился Айк, но Кир не ответил. – Ну, оставайся. Я пойду, поваяюсь, всё равно в этой казарме с математическим уклоном больше нечего делать...

Оставшись один, Кир просмотрел таблицы. Вспомнил ядовитый подкол Айка и ощутил какое-то мрачное торжество. Айк ненавидел цифры; Киру же они давались легко. Возможно, у него и впрямь был математический склад ума – на это обращали внимание и преподаватели, но внимание это было скорее со знаком «минус». Не раз ему приходилось слышать: а не ошибочно ли его направили в Академию? Мол, не те у него чакры раскрыты, чтобы стать художником... Так или иначе, но цифры Кир усваивал с ходу. Айк считал его зубрилой – на самом же деле ему не приходилось прикладывать ровным счётом никаких усилий, дабы что-то запомнить. Зрительная память (в том, что касалось чисел и схем) была у него просто феноменальная. Но в Художественной Академии применения этому аспекту его таланта до сих пор не находилось... а вот теперь оказалось, что способность эта очень даже ему пригодится...

Киру достаточно было внимательным взглядом просмотреть таблицы, чтобы буквально «сфотографировать» их в своём мозгу. Масса, объём, распределение облачных скоплений, коэффициенты светимости, проницаемость светом различных воздушных слоёв и тому подобное – всё это запоминалось у него помимо желания. Поэтому юноша оторвался от таблиц и снова стал разглядывать картины Шэр Янга. Очень скоро ему вновь стало казаться, что это – окна в Материальный План. Сумерки, стальное небо... он почти реально ощущал дыхание холодного ветра на своём лице, чувствовал запах осенней сырости, чего-то неуловимо знакомого по земным воплощениям... запах ли прелых листьев? Мокрой земли? Наваждение какое-то... Кир помотал головой. Его затягивало в эту действительность, созданную кистью художника, это было очень похоже на медитативное состояние, о котором рассказывал им Мастер Шао Чхо – но которого Кир никогда не испытывал доселе. Было очень заманчиво отдаться этому необычному состоянию, поз-

волить картинам Шэр Янга «втянуть» его в себя, помедитировать на них... подумать только – ему впервые этого захотелось! Но он поборол искушение. Во-первых, сначала – задание, которое нужно выполнить, – сказал он себе. На медитацию у него ещё наверняка будет время. А во-вторых – у него нет достаточного опыта для подобных занятий. Слишком уж просто картины художника овладевают им – может быть, стоит проявить разумную осторожность? Во всяком случае, нужно сначала посоветоваться с Шэр Янгом, – решил Кир и снова вернулся к таблицам.

...К вечеру студенты получили обещанное задание: климатическую карту, на которой цифрами были зашифрованы погодные условия – те, что требовалось отразить на картине. Карту все получили одну, эскизы же они должны были нарисовать разные.

– Погодные условия несложные, – пояснил художник, – карта составлена всего на одну минуту реального времени. Постарайтесь уложиться в цифры.

Учащиеся расположились за мольбертами и, время от времени поглядывая в таблицы, занялись созданием небесного пейзажа. По условиям, день был облачный, маловетренный. Время – раннее сентябрьское утро.

Большую часть времени Кир занимался расчётами – плотностью распределения облачных масс, их проходимость для солнечного света и тому подобными вещами. Он быстро убедился, что набор воздушных ресурсов им отпущен небольшой, особо не размахнёшься в полёте фантазии. И долго ломал голову над тем, как бы пооригинальней скомпоновать то, что есть...

Наконец к середине следующего дня Шэр Янг явился в студию, и практиканты представили ему свои эскизы. Четыре мольберта были составлены рядом, и художник молча ходил от одного к другому, подолгу разглядывая каждый. Студенты тоже рассматривали эскизы, удивляясь про себя – насколько по-разному каждый из них подошёл к выполнению задания.

– Ну что ж, – заговорил, наконец, Шэр Янг, оборачиваясь к ним, – задание вы сделали... Вот только должен, к сожалению, констати-

ровать факт, что почти никто из вас с ним не справился. Впрочем, я этого и ожидал.

Юноши удивлённо переглянулись.

– Как это «не справились»? – с вызовом спросил Айк. Он считал, что изобразил самый красивый пейзаж.

– Ваш пейзаж впечатляюще смотрится, Айк, – спокойно заметил художник. – Вот только он почти никакого отношения не имеет к той климатической карте, которая была вам предоставлена. Такое количество облаков – откуда оно могло взяться? Их чуть не вдвое больше, чем возможно по расчётам. А вот эта эффектная солнечная корона, лучи по километру каждый – они откуда? И ведь это – утро, а у вас солнце светит почти как в полдень. Нет, Айк, ресурсов солнечного света по заданию совершенно недостаточно, чтобы можно было так играть им. Далее. Погодные условия предполагают лёгкую туманную дымку, а она у вас полностью отсутствует. Таким образом, на создание картины по вашему эскизу понадобилось бы почти вдвое больше ресурсов против отпущенных. Вы почти вдвое превысили лимит, понимаете? Большая часть элементов на вашем эскизе нарисована просто из головы. Если вы мне не верите, я могу рассчитать вам всё и показать на компьютере, – хотите?

– Нет... – выдавил ошеломлённый Айк. Ему в голову не могло придти, что всю эту красоту, которой он так гордился, можно просчитать на пальцах и легко доказать её несостоятельность.

– Май, Дан, – обратился к ним художник, – ваши картины тоже грешат определёнными ошибками, и лимит в них тоже превышен – правда, поменьше. Понимаете, в чём дело, молодые люди, – продолжал он задумчиво, – на создание впечатляющих небесных картин требуется и количество ресурсов немалое, а Центр Управления Погодой вовсе не так расточителен, как вам бы хотелось. Там работают прагматики, для них главное – климат, а не эстетика пейзажей. Следовательно, одна из важнейших задач Небесного Художника – это умение создавать свои полотна, обходясь ограниченным количеством ресурсов.

Он обернулся к последней картине, несколько раз обвёл её гла-

зами, потом взглянул на автора. Кир молчал, и его волнение выдавали только пальцы рук, которые он нервно тискал.

– Вот единственная работа, которая выполнена правильно, – и студенты Академии не поверили своим ушам. Кир вскинул глаза на Шэр Янга – недоверие, надежда, тайная радость смешались в его взгляде. Шэр Янг улыбнулся и ободряюще кивнул ему. – Да, Кир, вы не только уложились в отпущенные вам лимиты, но даже более того – я вижу здесь экономию процентов в десять. Это не необходимый, но весьма желательный нюанс в нашей работе.

– А почему, Мастер? – недоумевающее спросил Май.

– Да очень просто, – пожал плечами художник. – Довольно часто случается так: уже перед самым сотворением картины на Материальном Плане, даже если все её детали утверждены, и вы готовитесь начать работу – вам неожиданно приходит сообщение из Центра. Перед вами извиняются, – а часто и без этого, – и говорят, что, к сожалению, запланированных ресурсов не хватило. И надо бы при создании картины «ужаться» ещё процентов на десять-пятнадцать. И вот вам приходится в срочном порядке что-то переделывать: убирать часть освещения, стирать энное количество облаков, делать менее роскошной их окраску...

– Ничего себе! – возмутился Айк. – Хорошо же работает ваш Центр!

– *Наш* Центр, Айк, – спокойно поправил его Шэр Янг. – Невозможно учесть и запланировать всё, именно поэтому лучше подстраховаться и оставить себе фору. Согласитесь, что, если ресурсов будет достаточно, то добавить несколько ярких штрихов на картине гораздо проще, чем убирать что-то. Так что, Кир, поздравляю тебя.

– Спасибо, Мастер, – сбивчиво ответил юноша.

11. ЗНАКОМСТВО С ЭРЛОМ ТАО

Лео снял с плеча спортивную сумку. Он стоял перед домом Эрла Тао. Волнение, радость, беспокойство и внезапно сменяющая его безмятежность – его захлёстывал сумбур чувств. До сих пор он

словно бы не осознал до конца всей значимости свалившегося на него события – его, подумать только, именно его! – направили на практику к самому Эрлу Тао, к художнику, чьи картины повергали его в какой-то благоговейный трепет. И вот он стоит перед домом великого художника.

Окружающий пейзаж опьянил Лео. Одноэтажное бунгало Эрла Тао стояло на берегу моря, бескрайнего моря, над которым носились чайки; воздух пах солью и морскими водорослями, а медленные волны лениво лизали песчаный берег. С бескрайнего и синего, как океан, неба, ослепительно сияло солнце, расплавленным золотом отражаясь в морских водах. Горячий песок разогрел кожу сандалий Лео и щекотался, засыпаясь сквозь пальцы. Море, бунгало и пляж; кипарисовая роща невдалеке – и ни души вокруг. Дышащая красотой природа очаровала юношу, заставила размякнуть душой и сердцем. Он так любил море!

Но волнение пред встречей с Эрлом Тао стреножило его, от этого сильнее билось сердце в груди, и он всё никак не мог решиться взойти по ступенькам, ведущим в дом художника. А когда, наконец, решился и уже поставил ногу на первую ступеньку, дверь неожиданно открылась, и хозяин вышел на крыльцо.

Лео поднял глаза и собирался произнести слова приветствия, но художник опередил его.

– О, ко мне гости,– сказал он весело. – Ты, кажется, Лео?

– Да, Мастер...

Эрл Тао легко сбежал по ступенькам и протянул ему руку.

– Ну, здравствуй, молодой человек! – так же весело сказал художник. – А я как раз собирался на пляж, купаться. Айда вместе?

Он стоял перед ним – высокий, загорелый дочерна, с приветливым и открытым лицом, так знакомым ему по портретам. Красивые, породистые черты, большие карие глаза, улыбчивый рот с ослепительной улыбкой. Стройный и гибкий, как восемнадцатилетний юноша – Лео даже не знал, сколько ему лет на самом деле. Ветер трепал его волнистые чёрные волосы. Из одежды на нём были только бежевые шорты и пляжные тапочки, да полотенце

через плечо.

– Ну что, идёшь со мной купаться? – повторил он.

Лео решился:

– Мастер, а можно мне... сначала... взглянуть на ваши картины?

Брови у художника полезли вверх:

– На картины? – весело удивился он. – Неужели они не надоели тебе в Академии? Да отдохни ты от этого, на картины ещё успеешь наглядеться.

– Я прошу вас, – Лео нерешительно улыбнулся.

– Ну, как знаешь. Если хочется тебе париться в студии в такой день – идём, провожу.

...Дом был весь пронизан светом и солнцем; изнутри он непостижимым образом оказался просторнее, чем выглядел снаружи – точно стены его по волшебству раздвинулись в стороны. Он пах тёплым деревом и, конечно, морем, запах которого приносил с собой ветер, беспрепятственно врывающийся в распахнутые окна. Эрл Тао распахнул перед студентом двери студии.

– Здесь я пачкаю полотна.

– Зачем вы так, Мастер? – пролепетал Лео.

– А что такого? Это же правда. Вдобавок моими эскизами заляпан весь Материальный План. Ладно, оставайся здесь, коли охота, а мне лично милее пляж, – художник хлопнул его по плечу и ушёл.

Лео сбросил на пол сумку, глубоко вдохнул-выдохнул и вошёл в студию. Жадными глазами он сразу обвёл её всю и впился взглядом в ближайшую картину. Как давно он грезил об этом! Увидеть полотна Эрла Тао не на репродукциях, не на экране компьютера, а вот так – вживую. В Художественной Академии, конечно же, были и оригиналы, но очень немного, гораздо меньше, чем требовала натура Лео, влюблённого в творчество Эрла Тао.

...Художник любил восходы. Сколько бесчисленных сценариев создал он для них, реализованных затем на плане Материи! Насколько неисчерпаема была его фантазия – и насколько же хорошо следовало знать все естественные природные законы, по которым эта красота создавалась! Восходы – какие они были разные! Алые,

пунцовые, багряные, багровые, золотые, розовые. А какое пиршество красок смешалось в облаках! Рассветы – как узкая полоска над горизонтом, и как широкая река многослойных цветов, рассветы ослепляющие – и такие, когда Солнце едва-едва просвечивает сквозь широкое одеяло туч. Эти картины запечатлели мгновения потрясающей красоты – мгновения, потому что Лео знал, как кратковременны эти шедевры: минута-другая – и всё, пейзаж исчез, сменился другим – и никогда, *никогда* уже не повторится. Но здесь, в студии художника, их можно было видеть снова и снова...

Лео впитывал в себя краски и свет, льющийся с картин; он медленно переходил от одной к другой и думал – нет, люди не случайно когда-то обожествляли солнце. Это воистину великий Бог, и совершенно правильно, что у него столько преданных слуг, таких, как Эрл Тао и другие, которые каждый день по-новому подготавливают восхождение божества на небо, украшают его путь убранством и драпировками, орнаментами неповторимыми и от того ещё более прекрасными.

Но, наконец, Лео очнулся от магии красок, вспомнил о художнике – и вдруг ужаснулся сам себе, испытал глубокий стыд и раскаяние. Как! Эрл Тао позвал его к морю, купаться, а он вместо этого заявил – мол, нет, я хочу поглядеть на картины. Что же получается – для него произведения художника значат куда больше, нежели он сам во плоти? Значит, Эрл Тао – как человек, как личность со своим характером, привычками – ему неинтересен, воспринимаем только как приложение к картинам? Он повернулся и бросился к морю.

...Эрл Тао лежал в шезлонге, подставив солнцу лицо. Его глаза были прикрыты тёмными очками. Лео подбежал и остановился возле него, слегка задыхаясь. Приподняв очки на лоб, художник повернул голову и взглянул на юношу с любопытством.

– Извините меня, - сбивчиво проговорил Лео. – Я... я увлёкся.

Эрл Тао оглядел его с головы до ног.

– Да, – заметил он с иронией. – Ты вот в таком виде и собираешься загорать? В брюках и футболке?

– Но... я не собирался загорать... я хотел извиниться...

– Извиниться? За что? – удивился художник.

– Что я остался там, в студии... не пошёл с вами.

– Лео, – Эрл Тао улыбнулся и сел в шезлонге, – ну что ты плетёшь? Разве художника может обидеть просьба дать взглянуть на его картины? Это я должен бы благодарить тебя за такое внимание к моему творчеству... Должен бы – но не буду. Вот такой у меня отвратительный характер.

– По-моему, у вас очень хороший характер.

– Ты так считаешь? Плохо же ты знаешь меня. Однако, мне кажется, тебе всё-таки не мешало бы сходить переодеться.

– Хорошо, Мастер.

Лео вернулся в бунгало и через некоторое время пришёл на пляж в плавках и с широким полотенцем, которое постелил на песке.

– Искупаемся? – предложил художник.

Юноша кивнул, и они бросились в море. Лео любил воду и наслаждался её прохладной прозрачностью, её мягкими объятиями. Он неплохо плавал, но Эрл Тао плыл просто как рыба, скользя рядом легко и без видимых усилий.

– Вы как будто родились в воде, – сказал Лео.

Художник безмятежно улыбнулся и перевернулся на спину.

– Может быть, – согласился он. – Наверно, я хорошо умел плавать на Земле... поскольку здесь мы чаще всего принимаем тот облик, который смутно помним по последнему Воплощению. Если бы я не умел плавать там, кто скажет – научился бы я этому здесь? Впрочем, научиться вообще ничему нельзя. Можно только вспомнить то, что уже знаешь.

– А как же... обучение в нашей Академии?

– Ты никогда и не оказался бы в этой Академии – если бы заранее уже не был художником.

– На Земле?

– Неважно, где. Художником внутри себя...

Они плавали, потом загорали, снова плавали. Лео обо многом хотел расспросить Эрла Тао, но не решался. Шутливый, а порой ироничный тон художника смущал его, ему казалось, что тот ничего не

воспринимает всерьёз. Для него оказалось неожиданностью то, что Мастер, полотнами которого он грезил, явился его взору именно таким: весёлым, открытым, насмешливым, – и он невольно «закрывался», хотя меньше всего ожидал такого от себя.

Художник замечал это, чувствовал – и ситуация забавляла его.

– Лео, – сказал он, – по-моему, ты чересчур уж серьёзно относишься к себе.

– Разве? – пожал тот плечами.

– Да уж поверь мне. Это чересчур трепетное отношение к собственной личности заставляет тебя преувеличивать значимость и всех прочих вещей.

– Почему же вы решили, что я трепетно отношусь к собственной личности? – с некоторой досадой спросил юноша.

– Потому что тебя легко задеть. А легко задеть можно только то, что достаточно велико, – художник внимательно смотрел ему в глаза. – Согласись, что если бы в твоей душе не было этих горделивых наростов – любые мои слова проскакивали бы, тебя не цепляя. А если цепляют – значит, есть за что.

– До сих пор немногим удавалось меня задеть, – возразил Лео.

Эрл Тао усмехнулся:

– Но ведь эти немногие были? А остальные, вероятно, просто целили не в то место. Задень они твои идеалы – и куда бы делось твоё невозмутимое спокойствие?

– А чем плохо иметь идеалы? По-моему, они есть у всех людей.

– Да отчего же непременно у всех? Вот у меня их, например, нет.

Лео приподнялся с песка и поражённо уставился на художника, который насмешливо щурился, глядя на него с шезлонга.

– Вы, наверное, шутите, Мастер?

– Напротив, я смертельно серьёзен. На что мне, позволь спросить, нужны эти самые идеалы?

Лео шокированно молчал. Услышанное не укладывалось в голове. Но Мастер ждал ответа, и он, собравшись с мыслями, спросил:

– Но если у вас нет идеалов, тогда ради чего же вы работаете, создаёте свои шедевры? Разве не высшие идеалы вдохновляют

человека на творчество?

Художник погасил улыбку, и голос его неожиданно стал жёстким.

– Возможно, в какой-то момент существование некоего идеала и способствует развитию человека и его творческой мысли. Но потом это становится тормозом в развитии.

– Но каким же образом? – проговорил несчастный Лео почти жалобно. – Может быть, всё дело в разнице идеалов? – силился он понять. – Ведь разных людей могут вдохновлять очень разные вещи! И если идеал, во имя которого творишь, достаточно высок, почти недостижим, то как стремление к тому, чтобы к нему приблизиться, достичь его, может как-то затормозить человека?

– Поговорим об этом позже, Лео, – отозвался Эрл Тао, – не всё сразу.

К вечеру они вернулись в бунгало художника, больше не заговаривая на данную тему. Перед уходом в свою комнату Мастер попросил у студента его папку с эскизами.

...Он неторопливо проглядывал рисунки, эскизы и наброски Лео. И скоро нашёл среди них одну копию своей собственной картины. Юноша долго колебался, решая в Академии – брать ли её с собой. Но всё-таки решился. У него было много копий с картин Эрла Тао – но взял он одну-единственную. Художник задумчиво глядел на неё. «Рассвет над Альпами». Как же давно она была написана – но он до сих пор помнил все чувства, эмоции, с которыми создавал её. И теперь он со жгучим интересом наблюдал то, как его собственный замысел преломлялся через восприятие Лео.

К нему прислали поразительного ученика, – думал Эрл Тао. Он понял это сразу. Впрочем, абы кого к нему бы и не направили. Он чувствовал в Лео гениальный дар и то, что юноше осталось сделать только полшага, чтобы самому осознать это. Однако... художник оставил размышления и снова погрузился в созерцание картины, лежащей перед ним – студенческой копии его «Рассвета над Альпами». Он видел, как чутко Лео уловил его замысел. И как почти точно воспроизвёл внутреннее построение картины. Вот цент-

ральная точка, с которой художник начал воплощение своего пейзажа. Она находилась отнюдь не в центре, и всё-таки Лео абсолютно точно определил её.

Эрл Тао погрузился в виртуальную реальность студенческой работы. Он мысленно отслеживал весь ход её создания, последовательность каждого шага. Видел, где настроение юноши совпадало с его собственным, и видел, где было расхождение. Лео не копировал его творение – понимал он отчётливо (хотя, может быть, неискущённому глазу покажется обратное). Юноша каким-то шестым, интуитивным чувством улавливал план, по которому создавалась картина – и мысль, стоящую за этим планом. Но, уловив те тончайшие флюиды, он пропускал всё через собственное восприятие, переосмысливал по-своему – и только тогда переносил на бумагу рождающиеся впечатления. Вряд ли этот процесс был до конца осознанным – но за всем этим ясно ощущалась Рука, ведущая Лео...

А юноша в то же самое время сидел в спальне, которую любезно предоставил ему художник, и решительно не знал, что теперь делать. Разговор с Эрлом Тао на пляже совершенно вышиб его из колеи. У него было чувство, что мир перевернулся вверх ногами, рассыпался, как стёклышки калейдоскопа; что из-под него, Лео, выбили опору. Он столько лет восхищался личностью и творчеством Эрла Тао – а оказывается, он совсем не знал, не понимал его. Да, втайне он надеялся, всегда надеялся на встречу – но на такую ли? И не потому ли сказано – «не сотвори себе кумира» – что кумира, воистину, мы творим себе сами?

Каким он представлял себе Небесного Художника, каким воображал его? И имел ли, собственно говоря, вообще на это право?

Художник был таким, каким он был – и кто виновен в том, что представления Лео относительно него не совпадали с истиной? Не сам ли он придумал, что Эрл Тао – человек с высокими идеалами, и что всё творчество его проникнуто служением этим идеалам? Мастер разрушил его иллюзии, а вместе с ними и всё, во что он верил. Система, которая казалась ему такой стройной, определённой – распалась. Где же, в чём ему найти теперь утерянную опору? Без

этого он не представлял, как сможет жить и творить дальше. Он словно повис в пустоте. Кто бы мог подумать, что это, такое желанное, знакомство приведёт его внезапно к пустоте, одиночеству и горестному непониманию?

Нет, он совсем не знал, не догадывался – о чём думал сейчас художник, разглядывая папку с его эскизами...

12. ЗАГАДКА ОБЛАКОВ

Наутро, поднявшись, Эрл Тао выглянул в окно и, улыбнувшись, увидел Лео, в утренних лучах Солнца выполняющего на пляже комплекс упражнений из Тайцзы-цигун. Опершись руками о подоконник, художник принялся наблюдать за тем, как юноша выполняет формы и переходы между ними.

Язык тела был красноречивее языка слов. Каждое движение Лео подтверждало мнение о нём, которое уже сложилось у художника. Движения были по-кошачьи мягкими, плавными и красивыми; время от времени Эрл Тао замечал вспышки энергии, прокатывающиеся по телу юноши. О, тот явно со вниманием и постоянством подходил к урокам Шао Чхо – однако состояние, в которое вводил комплекс, не было непрерывным; Лео то входил в него, то выскокивал – потому энергия и двигалась по его телу вспышками. Но и здесь, как и во всём, ему достаточно было сделать всего полшага, и задача Эрла Тао была – показать, в каком именно направлении его сделать. Ибо оставалась опасность, что Лео, пройдя уже достаточно долгий путь, всё-таки сойдёт и тогда не сумеет достичь той цели, которой так жаждет...

Юноша закончил комплекс и вернулся в дом. Художник увидел, что упражнения несколько успокоили его практиканта, вернули ему ровное расположение духа, которое тот явно утратил вчера. Но – что поделать? Эрл Тао на собственном опыте знал, как тяжело это: расставаться с собственными иллюзиями, оставлять позади всё привычное, знакомое и начинать с нуля. Другого способа учиться не существовало. Правда, необходимы были ещё два качества:

безусловное доверие ученика к Учителю и искреннее желание первого научиться. Художник был уверен, что Лео в должной степени обладает обоими качествами.

После завтрака Эрл Тао спросил с любопытством:

– У тебя не возникло желания закончить практику, не успев её начать?

Юноша с недоумением поглядел на него:

– Что вы такое говорите, Мастер?

– Ну, – усмехнулся тот, – а чему ты научишься у человека без идеалов, без высоких целей?

Помедлив, Лео ответил:

– Пониманию. Я... хочу понять вас.

– Разгадать, как тайну? Для начала тебе бы нужно научиться понимать самого себя... Я хочу дать тебе первое задание. Нарисуй облака, Лео. Просто цепочку облаков. Освещение, время суток, погодные условия – произвольные. Можешь нафантазировать всё, что душе угодно. Материал – акварель.

– Просто облака? Хорошо.

– Ну что ж, – Эрл Тао сделал приглашающий жест. – Моя мастерская – к твоим услугам.

На создание пейзажа с облаками у Лео ушло около часа. Правда, большую часть этого времени он провёл, не в силах отвести взгляда от висевших вокруг него картин. Но наконец он отвлёкся от их созерцания и сконцентрировался на данном ему задании.

– Ну, как продвигается дело? – услышал он голос Эрла Тао и обернулся.

– Я почти закончил, Мастер.

– Посмотрим-посмотрим, – художник подошёл к мольберту с пейзажем. Долго смотрел на него молча, потом сказал с непонятной интонацией: – Лео, искусством работы с акварелью ты владеешь... То есть, я хочу сказать – техникой ты владеешь. И владеешь ею безусловно. Если бы этот пейзаж написал кто-то другой – я бы восхитился и похвалил его... Но ты – это другой случай. Я с сожалением

должен констатировать: ты не понимаешь сути того, что нарисовал.

Лео опустил голову.

– То же самое говорили и другие Учителя, – горько признал он. – Вы правы, Мастер. Суть находить я не умею.

– Уверен, что умеешь, – возразил тот, – а как же уроки Шао Чхо?

– Да, в медитации мне удаётся это... изредка.

– А ты не заметил утром – день сегодня облачный? Почему бы тебе не выйти, прилечь на песок и помедитировать, глядя в небо?

Юноша поднял на него глаза:

– Медитация на облака?

– Да, почему бы и нет? – пожал плечами Эрл Тао. – Медитировать можно на что угодно: на любой предмет, явление или понятие. Это единственный способ познать его суть.

Лео кивнул:

– Я попробую.

Они оба вышли из дома. День действительно был облачный, но очень тёплый. Роскошные кучевые облака медленно плыли по небу в одном направлении. Задрвав головы, художник и студент некоторое время провожали их глазами, следя за тем, как плавно тают и меняют очертания эти огромные и такие эфемерные громады.

Неожиданно Эрл Тао спросил:

– Лео, облака – какие они, по-твоему?

– ...Красивые.

Художник вздохнул.

– Милый юноша, красивыми они кажутся тебе только потому, что душа твоя прекрасна. Ты не сможешь познать действительность, как она есть, если не исключишь из своего восприятия личный элемент. Ты должен уметь отрешаться от самого себя. Ложись на песок и постарайся понять природу облаков. А я тебя покидаю.

Лео послушно растянулся на песке в позе Шавасана; только глаза его были широко распахнуты... нет, так не годится. Он слегка сомкнул веки, оставив их полужакрытыми. Сделал несколько глубоких дыхательных циклов, прочищая каналы, пока не добился того, что дыхание свободно потекло в каждый, даже самый отдалённый

участок тела. Дыхание медленно и свободно наполняло его правой. Диафрагма расслабилась и почти не участвовала в процессе. Постепенно всё тело словно стало проницаемым для воздуха; Лео чувствовал, как вместе с кислородом втягивает внутрь потоки энергии; как тело медленно нагревается и начинает пульсировать. Потом оно завибрировало и словно бы зазвенело подобно некоему музыкальному инструменту, и стало наливаться изнутри приятной горячей тяжестью. Лео необыкновенно отчётливо почувствовал всё своё тело, а потом – песок под ним. Весь пляж он странным образом ощущал собственной спиной.

А потом тяжесть как-то незаметно и как-то сразу стекла вниз, сменившись необычайной лёгкостью, словно он оставил тело и взмыл вверх. Отчётливость восприятия от этого не пропала, напротив, стала ещё более яркой. Юноша будто бы осознал себя сразу со всех направлений и из всех плоскостей – и снизу, и сверху, и изнутри.

Вокруг были облака. Или наоборот – облака были внутри, а он – вокруг. Границы его тела размылись, и облака он тоже чувствовал, как часть себя. Они плыли длинным, поминутно меняющимся потоком, и отдельно от него плыл другой поток – поток его мыслей. Он мог следить за ним отстранённо и понимал, что мысли, его повседневное сознание – не есть он сам, во всяком случае, это не весь он. Что настоящее его «я» только наблюдает за всем, ничего не анализируя. Анализом занята другая часть его – несовершенная, не имеющая точного знания ни о чём, и потому вечно колеблющаяся, как флаг на ветру. Истинное же «я» всё знало изначально, и оно не нуждалось в мыслительной работе ума. Потрясённый, Лео вдруг понял, что подлинные знания приходят именно отсюда – из этого источника, только голос его обычно не слышен, потому что человек привык считать собой свой ум, приучился мыслить в категориях этого несовершенного прибора для обработки информации...

Облака плыли, подчиняясь воле ветра. Какими они были – красивыми или уродливыми? Они не были ни тем, ни другим. Они принимали ту форму, которую им придавал дующий ветер, безразличные к тому, как выглядят со стороны. Людей могла заво-

раживать величественная красота их очертаний – но красота не была внутренней природой облаков. «Они кажутся тебе красивыми потому, что душа твоя прекрасна», – так сказал ему Мастер Эрл Тао. Да, сами по себе облака никакими качествами не обладали – эти качества им могло приписать лишь восприятие наблюдателя.

А что, если бы облака вдруг задумались над тем – красива или нет их форма, не захотели принимать те очертания, которые придаёт им поток ветра? Тогда бы они, наверное, утратили свою собственную природу, перестали быть тем, что они есть...

Лео медленно вышел из медитации, вернулся к привычному восприятию мира и сел, обняв колени руками, поглощённый тем, что только что узнал. Он не сразу заметил Эрла Тао, сидящего неподалёку на песке. Тот покусывал травинку и задумчиво смотрел на Лео, ожидая, пока тот придёт в себя.

– Ну, так что? – спросил он. – Красивые облака?

– Не знаю, – честно ответил Лео. – И да, и нет. В любом случае в моём ответе нет смысла.

– То-то же, – усмехнулся художник. – И никогда не берись утверждать что-либо вообще... Помнишь мой вопрос об идеалах? Теперь ты понимаешь, почему я от них отказался?

– Нет, Мастер, – поколебавшись, всё-таки признался Лео.

– Потому, что, как только ты избираешь себе какой-либо идеал – ты как бы намертво фиксируешь для себя картину мира, – вернее, не саму картину, а свой образ восприятия мира. Ты словно бы цементируешься изнутри, застываешь, теряешь способность меняться – и тем самым загоняешь себя в духовный тупик. Застывшее, холодное железо никогда не примет нужную форму.

– Но почему же? – горячо возразил Лео. – Ведь, избрав идеал, тут же начинаешь желать достичь его! Следовательно, человек не застывает, но напротив – начинает работать над собой! Я всегда считал, что развитие, самосовершенствование человека происходит по нисходящей: сначала он избирает себе идеал, который его вдохновляет. Потом, благодаря этому идеалу, у него появляются новые взгляды на жизнь, новые принципы, стремления. Дальше следо-

вание этим принципам постепенно изменяет и всю повседневную жизнь человека. Меняется поток окружающих его событий. Вот так изменения, произошедшие уже в душе человека, проявляются и на плане физическом. Вначале – внутреннее, духовное развитие, затем – изменения внешние. Разве всё происходит не так, Мастер?

– Ну и в чём же, по-твоему, проявляется на плане физическом это усовершенствование души? – насмешливо спросил Эрл Тао.

– Ну... наверное, в том, что стремишься делать то, что уже умеешь, всё лучше и лучше. А также пробуждается желание узнать и освоить что-то новое, неизведанное.

– Да пойми же ты, – терпеливо сказал художник, – избрав себе идеал, каким бы он ни был – ты помещаешь его где-то вне себя. Ведь он должен быть «достаточно высок, почти недосыгаем» – так ты, по-моему, выразился вчера?

– Ну да, – неуверенно подтвердил Лео.

– Следовательно, куда бы ты не поместил этот свой идеал – над головой, так, что не допрыгнешь, или где-то за горизонтом, где он едва виднеется – в любом случае он будет где-то вне тебя! Ты фиксируешь на нём всё своё внимание, и чем больше оно поглощено желанием приблизиться к этому идеалу – тем дальше ты уходишь от себя самого! А Истина – она не где-то вовне, она внутри тебя, – неужели ты этого ещё не понял? Стремясь достичь её – ты только от неё отдаляешься.

Ты напоминаешь мне тех верующих, Лео, которые вроде бы уверены в том, что Бог вездесущ, всё видит и всё знает. И всё-таки они помещают Его где-то вовне, возносят Ему молитвы или просят о помощи. А чаще всего активно заняты Его поисками, словно Бог играет с ними в прятки. Да если человек не способен обнаружить присутствие Бога внутри самого себя – он не найдёт Его больше нигде!

Только когда ты найдёшь истину в себе, когда станешь с ней единым целым – она будет проявляться через всё, что бы ты не делал. Твоя речь, твои картины, твой комплекс Тай-цзы – всё будет исполнено гармонии и единства. В противном случае тебе просто нечего будет проявить! Ты не чувствуешь удовлетворения от своей работы,

потому что не ощущаешь гармонии единства с самим собой.

– Но... Мастер... – робко напомнил Лео, - не вы ли сами сказали мне недавно, что я должен отрешиться от самого себя, чтобы верно познать реальность? А сейчас призываете меня вернуться к себе самому – разве это не противоречие?

– Нет, – спокойно ответил Эрл Тао. – Это только кажется тебе противоречием. На самом деле это – одно и то же. Человек – это окружность, центр которой – его собственное «Я». А линия окружности – это то «я», которым он привык себя мыслить. Это относительный ум, знания, полученные извне. Все твои представления о реальности лежат на этой линии, на плоскости относительного «я». Чтобы познать истину, как она есть, нужно сойти с этой линии, отступить с черты круга. Но, отступая наружу, стремясь к какому-то мнимому идеалу, ты только удаляешься от истины, а отступая вовнутрь себя – приближаешься к ней. Достигнув центра собственного «я», ты достигнешь всего – ибо и центр Вселенной непостижимым для ума образом совпадает с этим центром... Только тогда будет достигнуто состояние гармонии с миром и вечностью. У тебя не останется ни сомнений, ни вопросов. И ты поймёшь, что нет мира духовного, отдельного от мира физического – они пронизывают друг друга точно так же, как и Планы, и только наш ум разделяет внешнее и внутреннее...

Техникой живописи ты владеешь прекрасно, Лео. Но она нужна только для того, чтобы не думать о ней, забыть о любых техниках вообще – и творить свободно, как дышишь. Разве не в этом предназначение, – даже и не предназначение, естественный смысл существования художника, – в свободном творчестве, в котором проявляется живущее в художнике состояние Единства? Разве для того, чтобы свободно творить, нужны какие-то абстрактные идеалы?

Лео долго молчал, ошеломлённый открывающимся перед ним, пытаюсь осмыслить всё услышанное. И, наконец, несмело спросил:

– Мастер, а стремление достичь этого состояния Единства – разве оно не может быть целью?

– В конечном счёте, это вовсе не цель, Лео. Это только средство...

13. СТИХИ О ДОЖДЕ

Айк оторвался от мольберта и положил карандаш – сегодня они работали в графике. – Слушайте, какая у меня появилась идея, – сказал он оживлённо, так, чтобы создалось впечатление, будто бы идея эта пришла ему в голову только что. – Давненько мы уже не занимались поэзией – так можно и форму потерять. Почему бы нам не попробовать написать стихи по картинам нашего Мастера? Стихи о дожде, а? И нам практика будет, и Шэр Янгу приятно.

– А давно это тебя озаботила идея сделать приятное Шэр Янгу? – неприязненно подивился Май. Расчёт Айка был проще варёного яйца – понимал он. Чувствуя, что художник слишком явно симпатизирует Киру – чего Айк ну никак уж не мог ожидать – и видя, что к нему, Айку, Шэр Янг относится весьма прохладно и сдержанно – а ведь это может сказаться на результатах практики – лидер группы «Гамма» спешно предпринимал попытку хоть как-то исправить положение. Хотя он, быть может, и поздновато спохватился. Идея написать стихи по картинам Шэр Янга пришла ему в голову отнюдь не случайно: Айк прекрасно помнил, что Кир никогда не был силён в искусстве стихосложения. На это и был расчёт. Май не сомневался, что Кир откажется участвовать в этом состязании, в котором, так сказать, «весовые категории» соревнующихся слишком неравны.

Но Кир неожиданно сказал:

– Отличная идея, Айк! Полностью поддерживаю.

– Как остальные? – автор идеи вопросительно взглянул на Дана.

– Я не против, – отозвался тот.

С тем же неммым вопросом в глазах лидер группы «Гамма» взглянул на Мая. Тот пожал плечами.

– Ну что, единогласно? – подвёл итог Айк и, придя в хорошее расположение духа, потёр ладони. – Тогда давайте сейчас и начнём, а к вечеру озвучим.

Студенты принялись с удвоенным вниманием изучать пасмурные картины Маэстро дождя, выбирая себе пейзаж по вкусу, дабы увековечить его в слове. Совершенно неожиданно идея Айка увлекла

и Мая. Они погрузились в процесс сочинения, благо их никто не торопил, не подстёгивал, времени было сколько угодно – и это ещё больше стимулировало творческий процесс.

...К вечеру, когда Шэр Янг зашёл в студию, дабы проверить графические работы студентов, Аик поспешил поставить его в известность относительно того, чем они сегодня занимались. Художник был даже тронут таким вниманием к своим картинам и, конечно, высказал желание сейчас же услышать стихи студентов.

– Любопытно будет узнать – какими глазами молодёжь смотрит на моё творчество, – заметил он.

– Присаживайтесь, Мастер, – предложил Аик и обернулся к остальным. – Ну, «Гамма», кто рискнёт первым?

– А можно... я? – несмело спросил Дан.

– Конечно же, Дан, начинай, – кивнул Шэр Янг. – Мне не терпится услышать твоё стихотворение.

– «Сфинкс», – кашлянув от смущения, объявил Дан. И добавил: – Мастер, я только оттолкнулся от вашей картины «Дождь в городе»... Она пробудила во мне некоторые воспоминания, мысли... в общем, я не пытался описать в стихотворении вашу картину...

– Ну читай же, Дан, – нетерпеливо попросил художник.

– «Сфинкс» - повторил Дан.

*Осенний дождь в окно стучал
Бродягой, вымокшим бомжом.
Его впустить он умолял
погреться –
В мой уснувший дом.*

*Ноябрь. Небо, как гранит,
И ветер – яростный палач.
В ушах назойливо звучит
Дождя издрогнувшего плач...*

*А в эти самые часы
Египет*

*жжёт палящий зной.
Там солнце – яростной красоты,
И климат жаркий и сухой.*

*Горячим воздухом омыт,
На протяжении веков –
Там, неподвижен, Сфинкс лежит –
Барханов страж, пустынь, песков.*

*Там воды медленно струит
Меж берегов ленивый Нил.
Мир фараонов, пирамид –
Кого к себе он не манил?*

*Но Сфинкс, в долину снов уйдя,
Зачем-то видит в каждом сне
Картину вечного дождя
В промытом ливнями окне.*

– Спасибо, Дан, – сказал художник, явно удивлённый, – даже не ожидал от тебя.

– Да я и сам от себя не ожидал, Мастер...

– Кто будет следующим? – Шэр Янг обвёл взглядом студентов. –
Может быть, вы, Айк?

– Охотно! Стихотворение по вашей картине «Ночная гроза».

*Сильный ветер не бывает одинок –
Он с собой грозу и ливень приволок.*

*Поздней ночью – кто не спрятался, дрожи! –
Разгулялись эти пьяные бомжи.*

*Ливень рушился на пыльные дворы,
Что весь вечер задыхались от жары.*

*Оказавшихся на улице людей
Не до нитки промочил, а до костей.*

*И носился ветер, как крылатый «ИЛ»,
Громко форточками хлопал, стёкла бил.*

*Посывал с берёз серёжки – ах, злодей!
Обломал верхушки рослых тополей.*

*А гроза, набившись в папарацци к ним,
«Полароидом» всё щёлкала своим.*

*Вспышка! Миг застывший – и опять темно,
Как немые кадры старого кино.*

*Но недолго трёх друзей стыдился свет:
Скоро пьяный гонор их сошёл на нет.*

*И осталась только память той бузы
В моментальных фотографиях грозы.*

– Bravo! – воскликнул Шэр Янг с непривычным для него оживлением. Студенты зааплодировали. Айк, раскрасневшийся от удовольствия, даже поклонился.

– Ну, Кир, Май – кто из вас? – осведомился художник.

Но Кир хранил молчание, и что-то царапнуло Мая за сердце, когда он взглянул на него. Это было волнение за товарища.

– Давай ты, – предложил Кир, – я потом.

Слегка успокоившись, Май проговорил:

– Мастер, я написал стихотворение вон по той картине, – он указал, по какой именно, – но она высоко висит, и я не разглядел название...

– Это ведь неважно, – улыбнулся Шэр Янг. – Читай.

– Только оно не очень длинное получилось...

*Это снова пронзает дрожь
Нерасцветшей рябины грозди.
Это пьяный сапожник-дождь
Рьяно в землю вбивает гвозди.*

*Облетевшую вишню в ствол
Майский ветер целует смачно.
«Ты мне нравишься больше, мол,
Без фаты и одежды брачной».*

*Радость иль печаль – всё равно
Час назначенный не отсрочу.
Дождь иссяк, умолк. Стук в окно.
Значит, снова не спать мне ночью...*

Шэр Янг проглотил комок, подступивший к горлу. Он не знал, что сказать. До сегодняшнего дня ему не доводилось слышать стихов, посвящённых его картинам.

Студенты чувствовали, что творится в душе художника. Май с раскаянием вспоминал свою первую реакцию на предложение Айка. И, пожалуй, впервые с благодарностью подумал о самом Айке. Потому что чем бы ни была продиктована его идея – в итоге всё получилось как нельзя лучше.

– Спасибо, Май, – сказал, наконец, художник. – «Не спать мне ночью»... Если бы ты знал, как близок к истине... И... Кир, я не слышал ещё твоего стихотворения.

– Но оно не посвящено какой-то конкретной картине, – признался тот, – скорее, оно – о впечатлении, которое я получил ото всех них...

– Мне в любом случае хочется услышать его, Кир.

Суховатым и твёрдым, уверенным голосом студент прочёл:

*Не зря деревья волновались
И, друг за друга уцепясь,*

*Тянули ветви, изгибались,
К земле беспомощно клонясь.*

*Кого они на помощь звали –
И кто скрывался там, в дали,
Где молний огненные сабли
Удушливую ночь секли?*

*Меж туч, при молний кратком свете
Бродил тяжёлый гром, ворча.
И по вершинам чёрный ветер
Носился, злобно хохоча.*

*И вот, преграды одолевший,
Надменный, как верховный вождь,
С небес на город присмиривший
Сошёл хозяин грозный – дождь.*

*В венце из струй над головою
Всю ночь бродил он вдоль домов,
Хлеща нагайкой ледяною
По спинам улиц и дворов.*

*И только солнцу он доверил,
Скрываясь поутру во мгле –
Ласкать избитые деревья,
Стирая слёзы на листе...*

Что-то дрогнуло в лице Шэр Янга, когда Кир умолк. Май с восторгом показал приятелю кулак с отжатым большим пальцем. Кир ответил подобием короткой улыбки.

– Ребята, – заговорил художник. – Вы не представляете, как я благодарен вам всем за ваши стихи. Спасибо.

– Вам спасибо, Мастер, – за то, что вы нас учите, – сказал Айк. – Мы были искренни.

– В этом я нисколько не сомневаюсь, – Шэр Янг поглядел ему в глаза. – А с вами, Айк, мне нужно поговорить.

– Прямо сейчас? Я готов.

– Хорошо. Давайте пройдем в мой кабинет.

Художник и студент вышли из студии и спустились на первый этаж, в рабочий кабинет Шэр Янга.

– Со стихами – это была ваша идея, Айк? – спросил художник.

– Да, моя, – с лёгким беспокойством признал тот. – А что?

– Да нет, ничего, – улыбнулся хозяин дома, – я догадался об этом по вашему аттестату. У вас – самые лучшие в группе результаты по искусству стихосложения. Мне хотелось ещё раз поблагодарить вас за тот подарок, который вы мне сегодня сделали. И, конечно, за ваше собственное стихотворение.

– Я просто постарался вжиться в образ той картины, о которой писал, Мастер, – скромно уверил его Айк.

– Думаю, вам это удалось. Но поговорить с вами я хотел всё-таки о другом. Присядьте.

Поблагодарив, студент опустился на небольшой диван, а Шэр Янг подошёл к окну и помолчал, собираясь с мыслями.

– Ну как, – заговорил он, – за те несколько дней, что вы пробыли здесь, Айк, узнали вы что-то новое для себя или нет?

Студент заинтересовался своими ногтями.

– В общем, да, – признал он, не глядя на художника.

– И что же вы узнали?

– Наверное, что я бездарность, и все преподаватели Академии заблуждались, ставя мне высокие баллы, – пожал студент плечами.

– Прекратите это! – раздражённо махнул рукой художник. – Давайте не делать вид, что вы сами верите в то, что говорите.

– А что ещё я должен был узнать здесь? – жёстко спросил Айк, поднимая на него глаза. Их взгляды скрестились, как клинки.

– Вот теперь вы искренни, и это хорошо, – удовлетворённо заметил Шэр Янг. – Потому что я хочу говорить с вами начистоту, без лицемерных экивоков и реверансов. Стихи ваши хороши, но враждебность, которую вы испытываете ко мне с первого дня

нашего знакомства, от этого никуда не делась.

– Это не враждебность, – Айк отвёл глаза.

– Да отчего бы вам не испытывать ко мне враждебность? – художник сверлил его взглядом, но студент не поднимал лица. – Вы, вероятно, хотели попасть на практику к другому Мастеру, более известному, чем какой-то Шэр Янг. Судя по вашему аттестату, вы вполне могли на это рассчитывать. А вместо этого вынуждены выслушивать замечания от меня и писать стихи по картинам, к которым не лежит ни душа, ни сердце. Конечно, тяжело, после того, как преподаватели Академии носили вас на руках.

– Кто вам это сказал?! – с изменившимся лицом вскочил Айк, губы его дрожали. – Май, да?!

– Сядьте! – повелительно сказал Шэр Янг. – И не порите чушь! Я ведь не ошибся, правда? Не знаю, что вы там не поделили с Маем, но мы с ним никогда не говорили о вас. Не судите о других по себе.

Айк продолжал стоять, уши его пылали.

– Сядьте же, – спокойно повторил художник, – нам давно уже следовало бы объясниться, но для этого придётся говорить прямо.

Студент машинально сел, лицо его было застывшим.

– Ваше отношение я прекрасно вижу и сам, – Шэр Янг подошёл и присел на диван недалеко от парня. Вздыхнул и покачал головой: – Вы совершенно напрасно так ершисто настроены. Неужели вы думаете, что я желаю вам зла?

Айк не ответил; помолчав, Шэр Янг заговорил снова с горечью:

– Вы считаете меня формалистом и сухарём, не замечающим вашего таланта, его яркости и индивидуальности? Ошибаетесь, всё это я увидел сразу же; ваш дар – очевиден и бесспорен. Однако я вижу и то, на что пока закрывают глаза ваши преподаватели в Академии: расточительность этого дара, ничем не оправданную. Вы думаете, я не смог бы рисовать полотна, исполненные в той же стилистике, что и ваши? С буйством красок и света, избытком облаков, феерическими переливами лучей? Полагаете, мне не достаёт на это фантазии? Но мы, Небесные Художники, в первую очередь должны быть практиками, а значит – реалистами. Показать

вам задание, присланное мне из Центра? Месяц, который мне определили для работы – ноябрь, и в климатической карте, которую я получил, солнечных дней – только шесть, а все остальные – пасмурные, с осадками. Вы никогда не задумывались над тем, что можете оказаться в подобной ситуации? Вы жаждете работать с одними погодными условиями, а вам предоставляют совершенно другие. Возможно, вы скажете: это ноябрь, а если то будет летний месяц? Ведь летом-то картина абсолютно иная! Что ж, может быть, вам и повезёт. И всё равно, даже при самых благоприятных условиях Центр не выделит вам такого количества энергетических ресурсов, которые потребуются для создания пейзажей, подобных вашим. Уж поверьте моему многолетнему опыту! На холсте вы можете изощряться, как угодно, краски не жалко. Но при создании пейзажа на Материальном Плана условия будут не такими.

– Но как же так? – сражённо проговорил Айк. – Получается, что Небесный Художник всю жизнь, как арканом, будет связан необходимостью точно следовать прогнозам, составленным в Центре?

– А я что пытаюсь вам объяснить с первого же дня?

– А как же творчество? Как же свобода художника?

– Да, это творчество в строго ограниченных рамках. Но ограничены они только пределами разумной необходимости. Однако и в этих рамках можно научиться создавать шедевры.

– Почему же нам в Художественной Академии никогда не говорили, что наше творчество будет ограничено какими-то рамками?

– Ещё скажут. У вас впереди – два курса и долгая практика после их окончания, под руководством кого-то из Мастеров. Успеете ещё узнать все тонкости этой профессии. Я говорю вам об этом сейчас, чтобы позже сей факт не стал для вас неожиданным.

Айк молчал, потрясённый. Он впервые задумался над тем, что его широкая натура и буйная фантазия могут и в самом деле остаться невостребованными на поприще, которое он избрал для творчества. Что если его фантазию стиснуть в корсете норм, установленных Центром Управления Погодой, то она может просто угаснуть. Он не представлял, как сможет творить, в чём-то себя ограничивая.

– Но... но... – запинаясь, проговорил он, – как же можно так кастрировать вдохновение художника? Разве в таких условиях можно создать что-то по-настоящему великое?

– По-настоящему великие картины, Айк, вовсе не требуют для своего создания огромного количества ресурсов. Чаще всего они создаются весьма малыми средствами. Истинного художника рамки не стесняют, он их просто перестаёт замечать. И, кстати, любопытно: какие же картины вы считаете великими?

Айк перечислил несколько имён художников и названия своих любимых картин. Шэр Янг насмешливо присвистнул: – О да, вы, вы действительно следуете в своём творчестве самым энергорасточительным образцам. Не спорю, картины эти более чем впечатляющие. Но поймите наконец: условия для создания подобных шедевров – очень непростые, ресурсов они отнимают весьма много, и потому заказы на такие картины из Центра поступают очень редко. А художников, которые могут выразить в цвете такие погодные условия – гораздо больше. И Центр поручает создавать их только самым маститым. Так что до вас, Айк, поверьте мне на слово, очередь дойдёт ещё очень нескоро.

– Разве мне не может повезти, Мастер? Вы считаете, что меня не заметят, как художника? – напряжённо спросил юноша.

Шэр Янг вздохнул.

– Этого я не знаю, Айк. И не забывайте ещё одну вещь. В Академии вы изучаете творчество широко известных художников, и это правильно. Но каждый из них прошёл очень долгий путь, прежде чем добился известности. Внезапно она ни на кого не свалилась. А вы, сдаётся мне, только этого и хотите. Но знаете, в чём главное ваше слабое место? Вы слишком много внимания уделяете внешней форме. И потому зачастую путаете красоту с красотью.

– Красоту с красотью? – недоумённо переспросил студент. – Разве это не разные степени одного и того же?

– Отнюдь, – покачал головой Шэр Янг, – различие это лежит куда глубже... Красота – это то, что идёт изнутри. Она полна содержания, внутреннего смысла – и потому только проявляется через форму,

но сама форма не суть важна для передачи красоты. У красоты же ничего нет, кроме внешней формы, она пуста и холодна изнутри. Красота – это то, что можно увидеть только сердцем, потому её и не каждый способен разглядеть. Большинство людей привыкли смотреть глазами...

Повисло долгое молчание. Потом, пряча взгляд и запинаясь от неловкости (это было так для него непривычно), Айк сказал:

– Мастер, я был несправедлив к вам... я... заблуждался, – он мучительно трудно подбирал слова и, наконец, подняв пылающее стыдом лицо, попросил: – Простите меня.

– Пустое, Айк, – коротко улыбнулся Шэр Янг и сжал его руку. – Лишь бы этот разговор принёс вам какую-то пользу...

Когда Айк ушёл, было уже довольно поздно. И тогда Шэр Янг решил заглянуть в мастерскую. Студенты наверняка уже легли спать, а он хотел ещё поработать в тишине и одиночестве. «Дождь иссяк, умолк. Стук в окно. Значит, снова не спать мне ночью», – вспомнил он строчки стихотворения Мая. Тот попал в точку, даже не догадываясь об этом. Шэр Янг любил писать по ночам; ночь вдохновляла его, будила в нём радость творчества. Художник поднялся в мастерскую и ещё с лестницы увидел, как из-за двери, ведущей в его студию, просачивается полоска света. Он удивился, а потом насторожился. Кому и что там нужно в столь поздний час? Он тихо подошёл к двери и, приоткрыв, заглянул внутрь.

Посреди мастерской на полу горела одинокая свеча; её колеблющееся пламя отбрасывало на стены зыбкие тени. Картины в этом неясном свете выглядели как-то по-особому загадочно, странно. Возле свечи в «лотосе» неподвижно застыл Кир; его полузакрытый взгляд, не мигая, был направлен на одну из картин – «Первая суббота сентября»: дождь, падающий на вечерний город. Ракурс для неё был выбран необычный – сверху и слегка сбоку, словно из той области, откуда струи дождя и изливались на город, отсвечивающий снизу цепочками фонарей да горящими окнами...

Шэр Янг очень любил эту картину, она была дорога ему – и, увидев Кира, погружённого перед ней в медитацию, он ощутил ще-

мящее волнение. Что-то защекотало в горле. Первым его порывом было уйти, но он заколебался, зная, что Кир не склонен к занятиям медитацией, и потому они могли быть для него небезопасны.

– Кир... – тихо позвал он.

Юноша не отозвался. Художник окликнул его громче, но ответа по-прежнему не дождался. Обеспокоившись, он зажёл свет и, подойдя, задул свечу.

– Кир, очнись! – позвал он его ещё раз.

Юноша, вздрогнув, открыл глаза, но взор его был пустым; он, по видимому, не сразу понял, где находится. Шэр Янг приблизился и опустился перед ним на корточки.

– Кир, с тобой всё в порядке? – серьёзно спросил он, опуская руку ему на плечо.

– Я... да, – с трудом отозвался тот и огляделся по сторонам. Осмысленное выражение вернулось в его глаза, и, когда он поглядел в лицо художнику, его взгляд был исполнен вины.

– Ты не должен был так делать, – с тревогой сказал Шэр Янг. – Медитация – дело непростое, есть опасность утратить контроль своего «я» и потеряться в образе, на котором концентрируешься. Я вовремя пришёл.

– Я знаю, Мастер... – виновато согласился Кир. – Теперь знаю...

– Почему ты никого не предупредил? Кто-то должен был находиться поблизости. У тебя слишком мало опыта, чтобы погружаться в подобное состояние самостоятельно.

– Я... – Кир поморщился и расплёл ноги из «лотоса». – Я хотел попросить вас присматривать за мной, но подумал, что вы уже спите. А мне хотелось побыть с вашими картинами наедине... Понимаете, Мастер – мне никогда ещё не удавалось так глубоко погрузиться в медитацию... На уроках Мастера Шао Чхо меня постоянно что-то отвлекало – то ноги или спина затекали, то мысли в голове крутились... Я и сегодня не был до конца уверен в том, что у меня что-то получится, потому и не предупредил никого...

– Но у тебя, похоже, получилось. Что же ты почувствовал?

Кир рассказал, что картина постепенно начала пульсировать у не-

го перед глазами, потом очертания её размылись, и она словно бы поплыла ему навстречу... Картина становилась всё ближе и ближе, и наконец Кир словно бы «нырнул» в неё.

...Он был там, среди струй осеннего дождя, он чувствовал его запах и сырость. Вместе с дождём он падал, низвергался вниз, на город, стекал по окнам, разливался по асфальту, гладил ветви и стволы деревьев, просачивался в почву сквозь разноцветные сентябрьские листья. Он был одновременно всем – и этой тучей, и дождём, и городом; каждым кирпичиком дома, каждой дождевой капелькой. Был в этом какой-то бесшабашный восторг – лететь вниз, навстречу объятиям Земли; его собственное «я» словно распалось на миллион малюсеньких частей, и все они были едины, все обладали сознанием, и ни одна из них больше не была Киrom – таким, каким он себя когда-то знал. Исчезли все тревоги, страхи и сомнения. Осталась только ликующая радость сопричастности ко всему живому, ибо и на самом деле всё было живо, и всё было – Едино...

– Ты молодец, Кир, – тихо сказал Шэр Янг, – постарайся запомнить это состояние и перенести его в своё творчество.

– Ах, Мастер! – повинувшись порыву, с непривычным волнением воскликнул Кир. – Если бы вы знали, как бы мне хотелось стать вашим учеником! То, что я испытал, впервые увидев ваши картины – я не испытывал прежде никогда!

Сердце подпрыгнуло в груди у Шэр Янга. Он понял, с невероятной остротой понял, как недоставало ему все эти годы ученика – такого преданного и искреннего, как Кир. Замкнутого, недоверчивого по натуре – и вдруг так неожиданно раскрывшегося. Ученика, которому можно передать все тонкости и секреты искусства художника; с кем можно было бы, не таясь, говорить о самом сокровенном...

Желание Кира вовсе не было чем-то невероятным, и оно вполне могло быть исполнено, но...

– Твоё желание может сбыться, Кир, – с грустью сказал он. – И я был бы счастлив иметь такого ученика, как ты... Но слишком большая опасность есть в том, как глубоко действуют на тебя мои картины. Они могут открыть тебе многие истины – но они же могут

и лишить тебя – тебя самого. И ты начнёшь жить моими чувствами, моими образами, моими мыслями. Они будут не твои собственные, но навязанные тебе извне. Ты сам не заметишь, как начнёшь копировать, подражать – а любая копия всегда хуже оригинала. Ведь художники различаются вовсе не по наличию и отсутствию таланта либо по степеням этого самого таланта. Нас отличает друг от друга только один признак: истинный художник изображает свой собственный мир, все остальные – копируют чей-то чужой.

У каждого человека есть свой внутренний голос. У одних он звучит громче, у других – тише, поэтому и не каждый слышит его. Прислушайся только к собственному голосу, Кир, и он поведёт тебя...

14. ТАНЕЦ ЗЕМЛИ

Лео отложил палитру, замочил кисти в растворителе и тщательно протёр их ветошью. Задумчиво осмотрел холст. Он работал сегодня маслом, рисуя пейзаж утреннего неба. Эрл Тао дал ему задание, а сам отправился на другой План, в Центр. Видимо, его там что-то задержало, потому что его не было уже несколько часов. За это время Лео успел сделать все расчёты по заданию, набросать эскиз и приступить к работе на холсте.

У него затекла спина и плечи; он решил передохнуть и размяться, проделав комплекс из Тайцзы-цигун, и вышел на пляж. Солнца не было видно, оно скрывалось в лёгкой дымке облаков. Он встал в «стойку всадника», обратившись лицом к востоку, и проделал для начала несколько глубоких дыхательных упражнений, потом сложил ладони на животе чуть ниже пупка, закрыл глаза и сконцентрировался на этой точке и центрах ладоней. Он стоял так до тех пор, пока не почувствовал, как кровь запульсировала в ладонях, нагревая их, и как горячая энергия постепенно начала накапливаться в нижнем центре тяжести. Тепло сформировалось в шар, он уплотнился и стал слегка распирает стенки живота. Почувствовав это, Лео приступил, наконец, к комплексу. Он проделывал его ежедневно и, казалось, до мелочей уже изучил каждое движение, любой пере-

ход. Однако Учитель Шао Чхо не раз терпеливо давал понять, что Лео всего лишь повторяет внешний рисунок движения, имитирует его, не постигая сущности. Это порой приводило юношу в отчаянье. Выбрав свободное время, он приходил в зал с зеркальными стенами и отрабатывал движения сотни раз. Никто из его приятелей не мог понять – зачем ему это? «Лео, ты на художника учишься или на инструктора по ци-гун?» – спрашивали его. Для большинства студентов Академии занятия у Шао Чхо, идущие, как факультатив, оставались факультативом и по сути, то есть тем, что не вполне обязательно. Да, польза для здоровья, правильное дыхание, помощь в концентрации – это они понимали. И не понимали – что ещё нужно Лео, чего он хочет добиться? Айк, во всех видящий соперников, желающих оспорить его лидерство, был уверен, что Лео хочет стать любимчиком Шао Чхо, дабы тот оказывал ему покровительство – впрочем, чего ещё было ожидать от Айка? Кир просто молча тянулся за ним из упрямства – потому что Лео мог делать что-то, что никак не давалось ему. Дан считал его чудиком: отличник по всем предметам, чего ему ещё надо? И Май тоже не понимал его. Ему казалось, что Лео делает комплекс абсолютно правильно – и причину жгучей неудовлетворённости друга никак не мог постичь.

Лео и сам не знал – что же именно он делает не так, как надо? Но он верил Шао Чхо больше, чем самому себе; верил свято и потому продолжал работать над движением так же, как и над картинами. Где-то смутно он осознавал, что есть нечто общее во всём – и в движении, и в живописи. «Мастер, – не раз умолял он Шао Чхо, – ну покажите же мне – в чём мои ошибки?» – «Пока ты не осознаешь движение в себе и себя в движении – говорить об этом бессмысленно, – отвечал тот. – Ты всё равно не сможешь исправить ошибку, даже если я много раз покажу тебе, в чём они заключаются, и как нужно делать правильно. Лучше просто расслабься и вслушайся внимательно в своё тело. Уверяю тебя – когда ты поймёшь принцип, по которому всё построено, ты сумеешь сделать верно любое движение. Ибо принципов гораздо меньше, чем движений. И когда ты сделаешь движение верно, ты сразу же это поймёшь.

Тебе не нужно будет никаких доказательств, ты просто будешь знать это – и всё. А словами тут ничего не объяснишь».

Лео медленно делал комплекс, а сам вспоминал слова Эрла Тао, которые он сказал, впервые увидев, как его практикант занимается Тайцзы-цигун: «Когда ты обнаружишь Истину в себе, когда станешь с ней единым целым – она будет проявляться через всё, что бы ты не делал. Твои картины, твоя речь, твой комплекс Тайцзы – всё будет исполнено гармонии и единства...»

Значит, Эрл Тао с первого взгляда понял, что неудовлетворённость Лео в живописи и в движении, его тщетные попытки найти что-то – просто следствие отсутствия этого «чего-то» в нём самом...

Но от понимания правоты обоих Мастеров юноше не было легче. Да, ему не раз уже доводилось достичь в медитации того удивительного состояния, когда он сам сливался с объектом, на который медитировал, чувствовал его изнутри, как собственное тело, и всё ему тогда было ясно и понятно, без доказательств и слов. Но в этих упражнениях он всегда был неподвижен – принимая либо «позу лотоса», либо Шавасану – «позу трупа».

Шао Чхо частенько говорил студентам, практикующим комплекс: «Тайцзы – это не движение, как всем вам кажется. Это – особое состояние. Думайте о нём, а не о движении; войдите в него и в нём оставайтесь. Абсолютно неважно, сколько движений вы сделаете в нём, и какие это будут движения».

Особое состояние в Тайцзы-цигун? Но это будет уже не пассивная, а динамическая медитация. Так делать он ещё не пробовал. А почему бы, собственно, и нет? Почему бы не попробовать сделать это в движении? Лео отбросил свои воспоминания и размышления. Постарался сконцентрироваться на своём теле, и тут же у него возник вопрос – на каком именно месте тела держать внимание? Едва этот вопрос возник, как юноша прогнал его, решив для начала просто понаблюдать за собой.

...Через некоторое время он ощутил нечто, похожее на самораздвоенность: одно его «я» привычно делало комплекс, а другое «я» за ним наблюдало. Наблюдало отстранённо, не делая пока никаких

выводов. Сделав часть форм, он заметил одну вещь: как только его внимание собиралось в какой-то области – скажем, в руках – как оно тут же «убегало» из остальных мест. Лео переводил внимание в стопы – и тут же переставал контролировать корпус. Нет, движение не прерывалось в этот момент. Просто, вероятно, в это время контроль брала привычка, программа. Ведь комплекс был так хорошо ему знаком, что весь его от начала до конца Лео мог бы сделать «на автомате», совсем о нём не думая.

Потрясённый, юноша остановился. Он понял, что не один такой уникальный, что таковы все люди. С детства, обучаясь, они формируют в себе ряд привычек, реакций – иными словами, создают программу, которой и следуют потом всю свою жизнь. Лео понял, что, как только новое действие освоено – организм тут же ставит его «на автомат», и больше сознательное внимание к нему не возвращается. Взяв что-то в привычку, мозг больше не тратит усилий на то, чтобы попытаться заново осмыслить и переосмыслить это. Экономит умственную энергию, это понятно. Но в результате человек фактически становится роботом, ничего не контролирующим в своей жизни, ибо всеми его действиями управляет программа либо ряд программ. А мозг занят в основном тем, что «переключает рубильники», меняет одну программу на другую в зависимости от ситуации.

Это сходство человека с компьютером потрясло Лео. Он решил повторить комплекс, но на этот раз не наблюдая за действием программы, а «взяв пульт управления» в свои руки – то есть держа под контролем каждое движение. Он очень скоро понял, насколько это тяжело. Следить за каждым вдохом, за каждым выдохом, каждым напряжением и расслаблением мышц. А коварная программа только и ждала, чтобы он ослабил внимание, дабы тут же перехватить контроль. Лео снова остановился. Ему стало ясно, какой каторжный труд ему предстоит. И также ясно стало, что он должен совершить этот адский труд постоянного, непрерывного самоосознания, если в самом деле хочет приблизиться к самому себе: ведь недаром же мудрецы древности учили: «познай самого себя»...

Он держал контроль и срывался, срывался – и возвращался к контролю снова. Старался «растянуть» внимание, как резиновый жгут, на всё тело. Какой там комплекс Тайцзы! Он бился над тем, чтобы сделать не на «автомате», а при полном самосознании хотя бы одну-единственную форму. Ум сдался и занялся самонаблюдением, как бы сканируя тело изнутри. Теперь Лео понял – откуда берётся в голове у людей этот бесконечный водоворот всевозможных мыслей. Ум высвобождает энергию, чтобы она не тратилась на совершаемое действие – но она тут же расходуется впустую, разлетается вовне, во все стороны вместе с пустыми мыслями. Ум всегда там, где внимание человека. Если оно направлено в прошлое – человек находится в прошлом. Если в будущее – он живёт в будущем. А в настоящем моменте человек практически никогда не присутствует. Это только кажется, что можно делать несколько дел одновременно. На самом деле ум просто учится очень быстро переключаться с одного занятия на другое. Пока ум вместе с вниманием носится где-то в другом времени – в настоящем действует программа. Ум занят праздношатанием, вместо того, чтобы помогать каждому человеческому «я» возвращаться к самому себе. А если эту колоссальную энергию, которая улетает в никуда, – да пустить в другие русла? Не перестало бы человечество творить те бесчисленные беды и глупости – если бы полностью, до мелочей, осознавало то, что оно делает? Воистину: «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят». Но что там говорить о человечестве, если и он, Лео, осознал это только сейчас? И ничего не поделаешь – нелёгкий труд самоосознания каждый должен совершить сам...

В свете того, что открылось ему только что, для него как-то сразу померкли, стали неважными другие проблемы и вопросы, так волновавшие его недавно. То была просто работа праздного ума – потому что когда он весь поглощён трудом самонаблюдения, у него вообще не останется свободной энергии на пустые умствования. Лео понял, что первоочередная его задача – та, о которой говорил ему Эрл Тао – вернуться к собственному центру, стать самим собой. Остальное – приложится оно или нет – не так важно.

Он в очередной раз замер на месте; закрыл глаза, дабы окружающие картины не отвлекали его от него самого. Вдох-выдох. Лео чувствовал себя младенцем, который только-только приоткрыл для себя мир. Он понимал, что ему придётся начинать всё сначала – заново учиться дышать, стоять, ходить – делая это всё в состоянии полной осознанности; что если хочет чему-то научиться, то нужно без сожаления бросить прежний багаж знаний, забыть всё, чему он выучился до сих пор. Оставить позади, как ненужный груз, вычистить сознание – иначе новому знанию просто некуда будет войти; оно не поместится в уме, отягощённом давнишним балластом. Может быть, в этом-то и заключается настоящее учение – в том, что человек должен быть готов время от времени скидывать с плеч то, что казалось незыблемым и бесспорным, и начинать сначала.

Лео прислушивался к своему дыханию, к положению своего тела, осознавал многочисленные участки напряжения – напряжения, которого не замечал прежде – потому что уже привык к нему... Прощупывая эти зоны лучом внимания, впуская в них дыхание, Лео добился наконец-то блаженного расслабления. Он чувствовал, как вдох входит в его тело, омывает его и уходит с выдохом вниз, в землю, через стопы ног. С каждым дыхательным циклом ему казалось, что стопы погружаются внутрь, в некую плотную прохладную среду.

И тут он услышал голос, который показался ему голосом самой Земли:

«Лео, – спрашивала она, – почему ты не опираешься на меня? Тебе что – так неприятна моя энергетика?»

Мысль эта возникла у него в голове сразу, не разделённая на отдельные слова и предложения – просто пришла мгновенно в виде уже готового знания. Изумлённый, Лео понял, что она не могла быть порождением его собственного ума – никогда бы ему не могло придти в голову ничего подобного. Просканировав ещё раз своё тело, он признал правоту сказанного. Лишь стопы его опирались на землю, а тело балансировало на них, поминутно перераспределяя очаги напряжения в мышцах икр, бёдер, таза и спины.

Наверное, и вправду с ним говорила сама Земля, стихия, чувству-

ющая его как самоё себя и потому прекрасно знающая все его ошибки. «Да, ты права, – внутрь себя покаянно сказал Лео. – Я действительно не опираюсь на тебя. Я до сих пор не умел чувствовать твою энергию. Прости меня. Она вовсе не была мне неприятна; я вообще не осознавал её, не замечал... и как же мне теперь быть?» – «Просто доверься мне, – ответила Земля, – обопрись на меня – и увидишь, что будет». – «Опереться? – с отчаянием спросил Лео. – Но как, если я до настоящего момента не умел этого делать, а только воображал себе?!» – «Сознанием», – коротко сказала она.

Лео послушно потянулся к Земле – мыслями, сознанием – и вдруг у него возникло невообразимое чувство: будто под каждой частью тела появились невидимые горизонтальные плоскости-подпорки. Что он облокотился, опёрся на них – рёбрами, грудью, коленями, плечами, подбородком. Эти подпорки взяли на себя задачу поддерживать его равновесие, и Лео впервые в жизни понял, что такое **настоящая** расслабленность. Наконец-то его лёгкие могли дышать свободно, все мышцы могли теперь полноценно отдохнуть, не напрягаясь. «Вот что такое истинная опора на Землю!» – понял он. Ему казалось, что сам воздух отвердел, что в этой твёрдой среде вырезана ниша точно по размерам его тела, в которой он и стоит, удобно опираясь на её стенки.

«Попробуй теперь подвигаться», – предложила Земля.

Лео медленно начал делать тао. Глаза его были по-прежнему закрыты, и всё-таки он **видел**. Впервые он увидел движение, сущность его – будто бы глядя на это изнутри. За закрытыми глазами не было темноты: он будто оказался в огромном пустом солнечном зале. Каждая часть его тела, смещаясь в пространстве, оставляла после себя светящийся след. Да, светящийся золотой след на солнечном фоне. Трудно объяснить, как такое возможно, но всё-таки это было. Лео медленно продолжал, и в воздухе постепенно вырисовывался светящийся узор, похожий на пространственную мандалу. Воздух, только что казавшийся твёрдым, вдруг точно расплавился, стал похожим на мягкий воск, послушно подающийся в ответ на его движения. Но опора по-прежнему сохранялась: Лео опирался на

изменяющиеся «стенки ниши» при каждом своём перемещении, и каждое последующее движение опиралось на предыдущее.

Скоро он понял, что может выстраивать движение заранее – его сознание как бы мгновенно рисовало перед ним «светящийся коридор», в который секундой спустя и вливалось его тело, занимая каждой своей точкой точно предназначенное ей место. Не надо было думать, как правильно двинуть рукой или ногой – тело свободно перетекало само, как вода или ртуть. У суставов точно исчезли угловые сочленения. Движения были такими плавными, словно кости стали резиновыми. Движения эти проходили либо по волне, либо по кругу. Прямых линий в природе нет вообще – попутно понимал Лео, погружённый в свою необычную тао-медитацию. Вот теперь-то он понял, что значит **двигаться правильно!** Любой неверный рывок сразу же ломал узор рисунка, тело словно начинало «царапаться» о стенки светящегося воздушного коридора.

В это же время у Лео точно открылись и запульсировали все каналы в теле, по которым двигалась энергия. Внутренний, энергетический смысл тао распахнулся перед внимательным взором Лео. Вот он черпает ладонями энергию восходящего потока и погружает её в нижний дань-тянь, центр тяжести. Вот подтягивает вверх холодную энергию Земли, дабы она охладила пламенно-горячий средний дань-тянь. Вот собирает вокруг себя смешанную энергию потоков, уплотняет, закручивает в тугий шар и погружает в низ живота. Вот задействует круговой канал поясницы, перераспределяя энергетические потоки внутри тела. Вот, вытягивая из воздуха горячие струи, наматывает их на плечи, на кисти, формируя вокруг себя плотный энергетический кокон. Энергии всех стихий действовали и перемешивались в его теле так же, как и в окружающем его мире... нет, это неверное определение, – понимал Лео, – ошибка человека как раз в том и состоит, что он выделяет себя из природы, воздвигает между собой и ею преграды, являясь на самом деле частью одного целого. Что снаружи, то и внутри, что внутри, то и снаружи.

Тао – это танец. Танец стихий, неотъемлемая часть которого – че-

ловек. Земля лежит в центре. По ней текут реки, из неё растут деревья, её любящее материнское притяжение – та сила, к которой привязан Огонь. О, Земля, дарительница жизни, благословенно твоё неистощимое плодотворное лоно, которое, разверзаясь, вновь принимает в себя всё! – думал Лео, в блаженном экстазе всё ускользящий свой танец. Очертания тела словно размылись, потеряли границу; он сам был движением, сам был энергетическим потоком.

«Вот как надо писать кистью, – понимал он, – так же, как я творю сейчас этот танец. Волна идёт снизу, нигде не встречая препятствий, проходит через всё тело, передаётся руке и от неё – кисти; кисть делает мазок на холсте – просто и легко; и нет никакого временного промежутка, в который могла бы вклиниться мысль, чтобы обтянуть всё, как паутиной, толстой ментальной оболочкой. Никакой искусственности: краски ложатся на холст естественно – как течёт вода, как летят облака, подчиняясь дуновению ветра; как растёт дерево и горит огонь. Теперь я знаю это и знаю, как это сделать. О, Природа, Великие стихии, о мои Учителя! Спасибо вам, безмерное, безграничное спасибо за то, что вы помогли мне понять эту истину...»

2006 – январь 2007г.

В авторской редакции

Фото на обложке – свободный доступ в интернете

Компьютерная вёрстка, оформление – Александр Топчий

Подписано в печать

Заказ №84

Тираж договорной

Отпечатано в типографии «Альтернатива»

Тульская обл., г.Новомосковск,

ул.Коммунистическая, 23